

Хедин, враг мой. Том 1. «Кто не с нами...»

Автор:

[Ник Перумов](#)

Хедин, враг мой. Том 1. «Кто не с нами...»

Ник Перумов

Миры Упорядоченного Гибель богов – 2 #5

Расставленные на великой шахматной доске Упорядоченного фигуры и пешки пришли в движение. Ракот и Райна сталкиваются с возрождённой силой Древних Богов, Сильвия Нагваль штурмует Долину Магов, Клара Хюммель, освободив детей, отправляется на поиски пропавшего супруга, готовятся к броску в неведомое Матфей Исидорти и гарпия Гелерра, а Хедин Познавший Тьму отправляется в самое сердце мрака, к пределам владений Неназываемого.

Своей ли волей действуют они все? Кто те игроки, что заставили их двигаться? Или подозрения, что всё это детали какого-то поистине грандиозного плана, беспочвенны?

Ник Перумов

Хедин, враг мой. Том 1. «Кто не с нами...»

© Перумов Н., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Автор сердечно благодарит за неоценимую помощь в подготовке этой книги к печати:

Анонимного Маймонида,

Александра «Сатурна» Богданова

и Ирину «Бастет» Черкашину

Синописис, или что было раньше

После окончания событий, описанных в романе «Война мага», Новым Богам Упорядоченного, Хедину и Ракоту, казалось, что настала мирная передышка. Два мира – Мельин и Эвиал – были спасены, слившись так, что на их месте возник новый. Спаситель, явившийся в Эвиал, был отброшен, хоть и не побеждён. Пленённая в Западной Тьме волшебница Сигрлинн, возлюбленная Хедина, вырвалась на свободу. Пал коварный архимаг Игнациус, заманивший было Хедина и Ракота в ловушку, пал и гениальный, но безумный чародей Эвенгар Салладорский, мечтавший достичь божественности. Предавшая Хедина эльфа-вампира Эйвилль погибла тоже, оставив в руках Нового Бога ценнейший артефакт, залог Дальних, данный ими ей как доказательство серьёзности их намерений.

Боевой маг Долины Клара Хюммель сумела вытащить из Эвиала одного из хранителей кристаллов магии, дракона Сфайрата. Ей удалось отыскать тихую гавань, где они и зажили как муж и жена, успев родить четверых детей, ибо время в том мире текло быстрее, чем, к примеру, в Обетованном или даже в Мельине.

Однако мирной передышки не получилось. Планы Хаоса и Дальних Сил были сорваны, однако полного поражения они не потерпели. Подмастерья Хедина

вынуждены были вступать в бой во многих местах, удерживая равновесие.

Линия Клары Хюммель

Мирная жизнь Клары Хюммель оказалась нарушена, когда к ней в гости пожаловал странный местный маг, назвавшийся Гентом Гойлзом. Он намекнул, что догадывается о её истинном происхождении; и, хотя на первый взгляд визит его не нёс никакой непосредственной угрозы, Клара забеспокоилась.

Её беспокойство оказалось ненапряжным.

В её мире, во?первых, оказался эльф-вампир Ан-Авагар, из гнезда уже упомянутой Эйвилль; он служил Хедину, однако службу эту понимал весьма своеобразно, скорее как индульгенцию на кровавые злодеяния.

Пытаясь разобраться, что творится в окрестностях родного посёлка, дети Клары и Сфайрата угодили в древнюю ловушку, расставленную неизвестно кем, но явно на «сильных магов». Непонятным для Клары образом этот капкан оказался связан с совсем иным, находящимся в Межреальности, и установленным гномами-подмастерьями Хедина, рассчитывавшими «захватить живьём хоть одного Дальнего».

Одновременно уже упомянутый вампир Ан-Авагар, помимо всего прочего, вызвал и нашествие подъятых из могил мертвяков на посёлок, где жила Клара с семьёй. Выбирая, броситься ли сразу на поиски детей или вернуться к дому и помочь беззащитным перед мертвяками селянам, – Клара поссорилась со Сфайратом, и он один пустился в погоню.

Кларе удалось отразить нападение мёртвых – причём помощь, неожиданно для себя, оказал и сам вампир, начавший проявлять к Кларе совсем не вампирский интерес; она смогла добраться до ловушки, где были заперты её дети. Однако она не сумела бы пробиться к ним, если бы не помощь со стороны странного, но могущественного чародея, назвавшегося Кором Двейном.

Детей Кларе удалось отбить, но при этом она вступила в бой с гномами-подмастерьями Хедина, что изо всех сил спешили к сработавшей ловушке,

будучи уверены, что «захватили Дальнего».

Кор Двейн уверяет её, что теперь она враждует с Новым Богом Хедином, который «подобного не прощает».

В то же самое время девочка Ирма, оказавшаяся в невольных ученицах у Клары Хюммель, попадает в замок к странным магам, «брату и сестре» Кора Двейна по имени Скъёльд и Соллей. Соллей берётся обучать Ирму магии – Клара до этого открыла в девочке немалый талант.

Освободив детей, Клара должна теперь разыскать мужа, дракона Сфайрата, и объясниться с ним.

Линия гарпии Гелерры

Полк гарпии Гелерры сражался в Хьёрварде, где неведомые противники бросили в бой мало что понимающих, но жадных до драки быкоглавцев, к которым присоединились низкорослые карлики-чародеи из дикого, не ведомого никому мира, где их вербовал какой-то странный, но явно очень могущественный маг.

Разбивая воздвигнутый чужими волшебниками щит, Гелерра угодила под непонятное воздействие, лишившее её чувств и перебросившее неведомым образом далеко в Межреальность. Там она столкнулась с чародеем Скъёльдом, заявившим, что он якобы «спас» её, удержав от падения «в бездну, где кроются корни Мирового Древа». Скъёльд задал гарпии только один вопрос: что выбирает она – свободу или служение? Гелерра гордо ответила, что долг её – служение великому богу Хедину. Чародей, как и обещал, дал ей свободу, однако Гелерра оказалась не в каком-то из миров и даже не в Межреальности, а в странном призрачном месте, похожем на крону исполинского древа, где её, беспомощную, несло сильнейшим магическим потоком, мало-помалу превращая в демона.

В конце концов охваченную отчаянием, разуверившуюся Гелерру вынесло в некий мир, но уже не крылатой гарпией-адатой, а жутким чудовищем.

Линия Матфея Исидорти

Матфей Исидорти, обычный смертный человек, молодой клирик монастыря Сил Святых в самом обычном мире Упорядоченного, был одержим тягой к постижению тайного и запретного. Больше всего его привлекали истории о загадочных демонах и способах повелевать ими – и наконец в руки Матфею попали старинные запретные книги, как раз посвящённые этому.

Молодой клирик оставил монастырь и после долгого пути достиг мест, где, согласно анонимному автору, появлялись демоны, и адепт, не обделённый смелостью, мог надеяться познать их и даже подчинить себе.

Матфею сопутствовала удача. Он отразил атаки демонов, хотя схватка с третьим из них забросила его в неведомое подземелье, откуда не было выхода. Призрак, назвавшийся убитым им демоном, предсказал, что, дескать, несмотря на победу, Матфей тоже обречён, поскольку должен умереть в подземелье от голода и жажды; сам же демон, мол, таков, как есть, и вынужден убивать потому, что таковым сотворили его Новые Боги.

Тем не менее Матфею удалось вырваться из ловушки – удивительное смещение пространства забросило его в совсем другие места родного мира, где его ждало столкновение с Гелеррой, почти утратившей сознание и терзаемой ужасным голодом, который, как ей казалось, может утолить лишь человеческая плоть. В схватке они оба были близки к смерти: Гелерра от вызванного рунами Матфея пламени, Матфей – от клыков и когтей «демона», но тут появились двое спасителей, мужчина и девушка. Девушка-чародейка спасла Гелерру, мужчина – Матфея. Ни гарпия, ни клирик не видели в деталях своих спасителей.

Они просто спасены.

Линия Древнего Бога О?дина

и валькирии Райны, его дочери

После окончания эвиальских событий, когда Старый Хрофт и Райна встретились, бог О?дин начал свою собственную игру. Вместе с Райной он откапывает давно

забытые железные обломки, помнящие ещё дни славы Асгарда, и альвийская оружейница Айвли выковывает для Хрофта и Райны новые мечи. О?дин убеждён, что, хотя асы пали на Боргильдовом поле, тени их пребывают во владениях великого Демогоргона и он сможет так или иначе, но выручить их. Заручившись помощью Яргохора, Водителя Мёртвых, и разыскав волка Фенрира, сына Локи, О?дин с Райной отправляются в опасный путь.

Пробиться в домен Соборного Духа оказалось очень нелегко, однако на помощь Старому Хрофту неожиданно явились Дальние и уже знакомый нам маг Скъёлд, уверяющий, что он-де «с роднёй» горячо сочувствует делу Древнего Бога и готов оказать всё возможное содействие.

Он действительно помог. Несмотря на противодействие – демонов, чудовищ, бестелесных призраков, – Старому Хрофту удалось пробить для валькирии Райны дорогу в пределы Демогоргона. Она смогла разыскать асов и вывести их тени из царства смерти, однако это были лишь тени, безвольные и словно бы спящие. Самому же О?дину, Фенриру и Яргохору пришлось выдержать бой с подмастерьями Хедина.

Вернувшись на равнины Иды вместе с тенями асов, Старый Хрофт сумел провести ритуал, возрождающий их в прежней истинной плоти. Хедину пришлось срочно отправиться к возрождённому Асгарду, возрождённому по-настоящему из дерева, камня, стали и золота; там он стал свидетелем последних стадий обряда, закончившегося появлением из альвийского меча, вручённого О?дину оружейницей Айвли, священного ясеня Иггдрасиля, во всём подобного тому, что осенял когда-то изначальный Асгард, Асгард Древних Богов, что правили Хьёрвардом.

У подножия ясеня забил новый источник магии, родившийся из тёмной пуповины, что вела от покинутого Мимиром Источника Мудрости к неведомой маго-механической системе в глубинах Упорядоченного. Кто устроил всё это, оставалось загадкой.

Видя нарастающий катаклизм, Хедин решил отступить. Сигрлинн, не согласная с ним и требовавшая решительной войны со Старым Хрофтом и его низвержения, покинула Познавшего Тьму.

Линия Сильвии Нагваль

Последняя из Красного Арка, дочь Хозяина Смертного Ливня, Сильвия Нагваль, после битвы на Утонувшем Крабе смогла выбраться из слившихся миров Эвиала и Мельина. Свободная от всех долгов и обязательств, она решила вернуться в Долину Магов – это место казалось ей наиболее соответствующим её способностям.

Без приключений добравшись до Долины, Сильвия быстро оказалась в числе воспитанниц местной Академии, скрыв свои истинные магические способности. Однажды во время вылазки она заметила отряд во главе со старой знакомой, валькирией Райной, что вёл куда-то целый сонм душ умерших.

Любопытство Сильвии оказалось сильнее всех прочих соображений.

Она последовала за Райной и её спутниками.

Погоня привела её на дорогу мёртвых богов, дорогу, которой следовали к домену великого Демогоргона Древние Боги, павшие от руки Ямерта и его родни, когда те – Молодые Боги (а сами они звали себя «любимыми детьми Творца») огнём и мечом утверждали свою власть над Упорядоченным. Здесь были очень сильны эманации Хаоса.

И Хаос сумел овладеть Сильвией.

По дороге ей встретился и очень, очень необычный спутник, назвавшийся «слугой Спасителя». Он и впрямь походил на Спасителя но только лишь внешне. Он предрёк, что они с Сильвией ещё встретятся, ибо «их миры в опасности», и то, что они якобы задумали, лучше всего делать вместе.

Сильвия не поняла туманных речей. Она прогнала незваного гостя, и тот удалился без гнева, попрощавшись и оставив её одну.

«Кто не с нами...»

Пролог

В залах Хель творилось что-то несусветное.

Вампир Ан-Авагар замер, прислушиваясь. Вокруг так же покорно застыли собранные им души, которым ещё только предстояло отправиться Чёрным трактом.

Холодное небо, холодные тучи. Колючие и злые звёзды проглядывают в разрывы, пялятся на бесплодные земли, ставшие добычей если и не вечной зимы, то, во всяком случае, вечной осени.

Ан-Авагар досадливо поморщился – сейчас, казалось, ему мешал даже слабый и неверный звёздный свет. Мешал сосредоточиться, мешал дотянуться до источника возмущений, залегавшего глубоко под землёй.

Тревога. Тревога. Тревога – не суйся туда, не суйся ни в коем случае, услужливо подсказывали все проверенные вампиры чувства. «Не суйся – сам ведь едва-едва сорвался с крючка Наблюдающих, кем бы они в конце концов ни оказались. Не лезь, куда не просят. Выполняй приказ. Делай порученное. Сказано: собирай души и тащи их на Чёрный тракт – вот и тащи. И умствовать тут нечего».

Но нет. Не получалось, не выходило, потому что там, внизу, за воротами Хель, где кончалась дорога душ, случилось что-то поистине из ряда вон.

«Клара Хюммель не осталась бы в стороне», – укоризненно шепнул кто-то в самое ухо. Нет, не кто-то – он сам. Клара Хюммель тряхнула б головой, поправила бы толстую длинную косу и бестрепетно шагнула бы вперёд, не боясь того, с чем или с кем ей предстоит столкнуться.

Вампир огляделся. «Да, кое-чему научился, кое-чего добился», – не без самодовольства подумал он. Души – вон они, все тут, хоть сдавай по счёту

да по описи. Никуда не деваются, идут, словно утята за матерью-уткой. И уже не возражают, если так можно сказать.

Ан-Авагар знал, что стал сильнее, несмотря на все свои жалобы. Куда сильнее – сейчас его слова послушался бы не один затерянный погост, а, наверное, все кладбища на три дня пути от Поколя. И души слушались беспрекословно. Вереницы и вереницы их, как и встарь, покорно влачились просторами Гнипахеллира, покорно следовали за вампиром и безмолвно исчезали в провалах Хель.

Что ж, придётся заглянуть и поглубже. Спасибо Яргохору, поспособствовал.

Он привычно послал неслышимую живым команду, и несколько тысяч душ, растягиваясь длинной цепочкой, потянулись следом. Вампир шагал впереди, и перед ним уже раскрывался зев пещеры, когда оттуда, из глубины, словно незримым кнутом хлестнуло вырвавшейся на волю силой.

Ан-Авагар успел прикрыть глаза – но на скулах кожа лопнула, словно и впрямь рассечённая хлыстом. Он зарычал, сжимая кулаки.

«Врёшь, не возьмёшь!» – пришла совершенно невампирская мысль.

Врёшь, не возьмёшь!

Слишком, слишком по-человечески. Так, как живые думают...

«Так, стоп. Не зарывайся, Ан-Авагар. Прежде чем лезть, очертя голову, на рожон, надо сделать так, чтобы на Гнипахеллире всё оставалось бы в порядке».

Вампир вздохнул, утёр залившую щеки чёрную кровь, уже успевшую остановиться.

Легко сказать «сделать так, чтобы всё оставалось в порядке»! Легко сказать, да трудно исполнить.

Конечно, за время водительства мёртвых появилась у него пара-другая мыслишек, что вполне бы могли оказаться дельными.

– Не знаю, – проворчал он себе под нос, – почему это никому доселе не пришло в голову. Ну зачем держать здесь особого Водителя Мёртвых, если – надеюсь! – вполне справятся обычные заклятия? Ну конечно, да, не совсем обычные. Даже, если разобраться, совсем не обычные. Но не для великого же Хедина! Значит, была на то причина. И причина более чем серьёзная. Но ничего, я же быстро! Туда – и обратно. Без задержек. А то кто его знает, что там этот Яргохор учудит...

Словно отвечая ему, по Чёрному тракту вновь пронёсся сухой и горячий ветер. Швырнул в лицо вампиру какие-то иссушённые до полной неузнаваемости обрывки. Мёртвые листья, сказал бы Ан-Авагар, если б лежал перед ним обычный лес.

Но лесов там не было.

А была почти бездонная пещера, где по-прежнему дремал Гарм. И прислужники Хель, который уже век тупо выполнявшие одну и ту же работу.

Бессмертный пёс, вскормленный мясом мертвецов. Игрушка и забава владычицы Хель. Созданный словно в насмешку над Древними богами Асгарда, посадившими на крепкую цепь великого волка Фенрира, брата Хель.

Вампир вздохнул, покачал головой. Да, он устал, устал, как никогда не уставал до этого. Даже там, в мире, где он встретил Клару Хюммель, казалось, было легче. Тут, правда, не было боли, но вот усталость сейчас превозмогала вообще всё.

«Нет, надо идти. Вот только управлюсь тут, чтобы ничего не случилось до моего возвращения».

Он уже почти достиг с душами обычного предела, где их подхватывал незримый поток, увлекавший мёртвых прямо к воротам их царства, и где самому Ан-Авагару можно было поворачивать назад. Привычно выдохнул, повёл плечами, точно сбрасывая тяжкую ношу, когда из глубины вдруг донёсся яростный рык.

Души так и шарахнулись, словно сбитые ветром мотыльки. Хотя, казалось бы, что им, бестелесным, может сделать пробудившийся Гарм?

– Вот так так... – прошептал вампир.

Великий Хедин рассказывал об этом. С этого начиналось его восстание. Его и названного его брата, повелителя Ракота.

А что возглашает это пробуждение?

По древним пророчествам – Рагнарёк, последнюю битву и конец мира. Но, пока Пёс спит, этого не случится.

И потому – кто выльет на тела мёртвых, предназначенных в пищу Псу, сонный отвар?

Клара Хюммель бы не колебалась.

Вампир зло сощурился.

Что ж, оно и к лучшему – чтобы два раза не ходить.

Гарм уже не рычал – он выл, выл жутко и протяжно, и вой этот волнами прокатывался над Гнипахеллиром, предвосхищая грядущий Рагнарёк.

Глава 1

– Что делать, Аэтерос?

– Что делать, гаррат?

– Что делать, великий Хедин?

Над головами – великолепное, высокое, бездонное небо Обетованного. Небо рукотворного рая, области блаженных, созданной Молодыми Богами ещё в ту пору, когда они были настоящими богами.

Они вернулись. Отступили – хотя кто-то мог сказать, что они «бежали». Армия Хедина – его подмастерья – не приняла боя у стен Асгарда Возрождённого, в виду новосотворённого Иггдрасиля и ударившего из-под корней священного ясеня Источника Магии.

Четвёртого, не предусмотренного никакими канонами, Источника Магии. По людским легендам, собственно, именно ему бы следовало именоваться Урдом. Именно там, в Асгарде, под корнями Иггдрасиля, бил самый священный и чистый из всех Источников Магии.

Хедин Познавший Тьму стоял на широких каменных ступенях. За его спиной поднимался облачный дворец – ещё одно прекрасное творение прежних хозяев Обетованного. Именно здесь, на этих ступенях, они с Ракотом и сошлись в последней битве с пресветлым Ямертом и его братьями...

Перед Хедином, потрясая оружием, толпились подмастерья. Не стояли тихо, преисполненные почтения, готовые внимать каждому его слову, но, напротив, волновались – гневные, обозлённые, требующие драки.

Познавший Тьму застыл недвижно, скрестив руки на груди и завернувшись в плащ.

Он стоял неподвижно, бесстрастно. Во всяком случае, ему хотелось так выглядеть. Именно таким – считал он – только и было достойно являться своим подмастерьям.

Спокойным. Каменно-спокойным. Великий бог Хедин Познавший Тьму не ошибается, всегда знает, что надо делать, не испытывает ни сомнений, ни колебаний. Так должно быть.

Взгляд его скользил по лицам – людским и нелюдским, эльфийским, гномьим, орочьим, гоблинским... Видел тяжело взмахивающих кожистыми крыльями морматов, видел радужных змеев, других фантастических существ, пришедших, казалось, из страшных сказок, – но здесь всех их свели воедино его воля и его дело, ставшее и их делом.

– Веди нас в бой, Аэтерос!

– Мы не разбиты!

– Ученики Хедина не отступают!

Над толпой взлетают топоры. Какой-то эльф выпустил вверх белооперённую стрелу и кинул вслед заклятье; начарованный оголовок взорвался снопом багряных искр.

Хедин улыбнулся. Его улыбку видели все, от края до края толпы, и ни у кого не возникло сомнений, что он искренне улыбается, а не просто растягивает губы.

Улыбнулся, как всегда, спокойно и уверенно. Без тени сомнений – их не может иметь Новый Бог.

Хотя он теперь – один.

«Нет рядом ни Ракота, ни Сигрлинн. Насколько? Как долго ещё ему стоять так, одному?»

Нет и беззаветно преданной ему Гелерры, бедняжки Гелерры, безнадёжно влюблённой в своего Бога.

Нет и Хрофта, старого друга, старого верного Хрофта. Он... он рядом с новорождённым Источником.

И Хагена нет. Он далеко, в Долине.

Ты один, Познавший Тьму».

Холод этих слов вползает в душу, шуршит по незримым камням, словно пустынная змея, устремляющаяся к добыче. Хочется забыть, кто он такой, и кричать, кричать во всю глотку, разорвать рот криком, выплеснуть это сосущее, тягостное отчаяние, подгрызающее, что ни час, само его естество, его уверенность, что он, именно он и только он, способен справиться с обрушившейся на Упорядоченное бедою.

А ведь одиночество, кажется, было вечным его спутником. С самого начала, когда они с Ракотом вместе двинулись во Тьму. Один – чтобы подчинить её, другой – чтобы познать. Даже тогда они уже шли разными путями. Даже тогда он, Хедин, не делился сокровенным с названным братом.

Он делился с Си, да. Она хмурила брови, морщила лоб. Нет, не останавливала, только вздыхала многозначительно. Словно... словно мать, которой ни у неё, ни у него никогда не было.

Тогда Голубой Город, радость творчества, слияния душ остались уже позади. Его тянули к себе пропасти и бездны, а её... кто знает, о чём она тогда думала!

А сейчас её нет, и отсутствие её обжигает, словно сталь, охлаждённая до абсолюта в ледяных безднах.

И нет возможности даже спрятаться за обиду. За вызов. За падшую от её руки Ночную Империю. За обиду на тогдашнюю её мудрость, когда она прикрывала, как могла, его от гнева Совета Поколения. Прикрывала, терпя его резкости, его колкости, его собственные на неё обиды.

И за гнев на эту мудрость, такую правильную, так хорошо... спланированную, истинно по-хедински, – сейчас не спрячешься тоже.

Остаётся только стоять с каменным лицом, что его подмастерья принимают за признак суровой, непреклонной воли, глубочайших, непостижимых даже для них планов.

Стоять с каменным лицом, с застывшей улыбкой, когда действительно хочется взвыть. Совсем как смертные...

Пустота там, где была Си, расширяется, словно домен Неназываемого. Расширяется, всасывает в себя всё новые и новые просторы его души. Он не забыл про План, он помнит о нём. Но... но переставляет Сигрлинн, его Си, словно тавлейную фигурку, искусными речами и тщательно выстроенными взглядами подталкивая её к «правильному» и «нужному», – выше его сил.

Си, его Си – идёт по волосяному мосту. Её страсть, её огонь, её любовь – всё смешалось, и он, самонадеянный бог (чуть не сказал – самозванный), надеется управлять всем этим? Надеется, что она сделает именно то, что нужно, твоя послушная кукла, покорная марионетка?

Наивный. Си никогда не была ничьей марионеткой. Даже в плену, даже будучи частью Западной Тьмы Эвиала, она вела свою собственную игру. Вернее, конечно же, не игру, но смертельную схватку. Ей пришлось сделаться коварной и изворотливой. Лгать лжецам и предавать предателей.

Больше всего Хедину Познавшему Тьму, Хедину Новому Богу, Хедину Владыке Упорядоченного хотелось сейчас выплеснуть эту ярость, эту грызущую изнутри неотвязную тревогу, утопить лицо Си в огне, броситься в бой очертя голову, поракотовски, чтобы все и всяческие мысли разлетелись бы вдребезги, вытесненные одной-единственной – выжить, чтобы победить.

Он не мог позволить себе закрыть глаза, не мог позволить расслабиться закаменевшим мышцам лица. Не мог позволить себе врезать кулаком по ближайшей статуе или раздробить в пыль каменные плиты под ногами.

Он должен стоять, монумент самому себе – монумент собственному Плану Хедина, что становится, похоже, больше самого Хедина, обретая самостоятельность и сознание.

Он должен, он обязан. Кому?

Упорядоченному.

Упорядоченному, этому бездушному монстру.

Храм злого божка можно сжечь, идола – разбить, жертвенники – опрокинуть, адептов и жрецов, чьи руки в крови по самые плечи, – казнить.

С Упорядоченным сделать нельзя ничего.

Ему даже нельзя пригрозить отдать на съедение Неназываемому.

И от этого хотелось выть тоже.

Выть или хлестать огненными кнутами всё вокруг, чтобы вспыхивало, горело и рушилось. Чтобы пламень до неба, а может, даже и выше.

Ракот нашёл бы в этом успокоение. В этом, а ещё – в добром вине, весёлой красавице под боком, что знает толк в любовных играх; в доброй драке на арене под свист, хохот и улюлюканье зрителей...

Раньше ему казалось, что Ракот уничтожает самого себя. Что он позорит их высокое звание. Сейчас – он бы сам проделал то же самое.

Но нет. Нельзя. В этом и есть его отличие от Ракота. Хедин Познавший Тьму должен стоять с каменным лицом, точно храмовый истукан, и вдохновлять своих подмастерьев на бой, последний и решительный.

Он выдохнул. Медленно свёл вместе полы плаща. И под его прикрытием, так, чтобы никто не видел, что было силы ударил кулаком в ладонь. Чтобы тело напряглось от резкой боли, прокатившейся от запястья к плечу.

Хоть что-то настоящее, существующее.

«Нет, – сказал он себе. – Это ненастоящая боль. Ты можешь отказаться от тела, можешь сбросить его, словно старую одежду. Стать ветром и светом, вихрем и молнией. Отказаться от того самого «сердца», что заходитя всякий раз, когда я вспоминаю последний взблеск белоснежного платья Си за миг до того, как она исчезла.

Вот эта боль настоящая. Её не сбросишь, покинув брэнное тело.

Без неё нет тебя, Познавший Тьму.

И потому тебе сейчас остаётся только скрежетать зубами, так, чтобы не заметили подмастерья, и повторять про себя бессильно «пусть с ней всё будет хорошо».

А ведь ты не привык к бессилию своих слов. Для тебя слова – это оружие, куда страшнее стали или огня.

Ты одинок, Познавший Тьму, и тебе страшно. Ты одинок, и потому прячешься за гордыми фразами о том, что, мол, это хорошо и правильно. Что задуманное можешь осуществить только ты. И да, только в одиночестве. Ничто не должно отвлечь, никто не должен помешать. Ты не сможешь никого спасти, никого вытаскивать. Только ты – и то, что напоззает, надвигается на Упорядоченное. Напоззает, само рождённое в его глубинах, часть общего, сделавшаяся подобной гангренозному члену, который уже не излечат ни снадобья, ни даже чары».

«Хорошие мысли, – мрачно подумал он. – В самую точку. За ними можно прятаться, ими можно оправдываться. Но от себя не убежать. Ну, хоть этим ты отличаешься от всех и всяческих «Богов Горы», больших любителей кровавых жертвоприношений.

Но пока Си не со мной... все планы и Планы в чём-то подобны тому, с чем они призваны сражаться. С этой... опухолью. Наростом. Паразитом.

У него много родителей, у этого уродя, бастарда, голема, ходячего мертвеца, бывшего мёртвым ещё до рождения.

Много кто вложил в него, и каждый рассчитывает поживиться добычей. У твари не одна голова, много рук, много ног, много и слуг – не понимающих, что, к чему и зачем.

А есть ещё и Дракон с Орлом. Молча наблюдающие за схваткой.

Нет, Познавший Тьму, ты не имеешь права ни на гнев, ни на ярость.

И вот с этим я не могу, не хочу, не желаю соглашаться!»

Хедин скрипнул зубами.

«Слава мне же, как говаривают подмастерья, ещё есть, чем скрипеть.

Я имею право и на гнев, и на ярость. До тех пор, пока этого никто не видит. Но какой тогда смысл и в гневе, и в ярости? Какой смысл в любви к Си, если каждое слово с ней – часть Плана?

Проклятье, она, опять она, сказал я себе когда-то, стоя на балконе Замка Всех Древних. Чувства тогда были обнажены, кровоточащи, просты. Я холил и лелеял обиду, не зная, что питаю этим любовь.

Потом всё изменилось. Мудрая Си, расчётливая Си вошла в мою жизнь, чтобы пасть от руки собственной ученицы, Ночной Ведьмы. С тем, чтобы возродиться в Западной Тьме Эвиала как часть злобной игры брандейцев – я не хочу называть их моим Поколением, это были не они, даже не Макран с Эстери, это были их тени, не имевшие ничего, кроме ненависти и жажды мщения.

И потом она вернулась. Вернулась пламенным фениксом, трансформацией, в которой я, Хедин, доселе её не видывал. Вернулась, чтобы встать рядом со мной, чтобы мы наконец сделались единым целым, как и должно быть.

Правда, ненадолго. И это, Познавший Тьму, приводит тебя в бешенство. В то самое бешенство, что свойственно всем живым существам, лишившимся своей половинки. Недостойное Нового Бога, избранного самим Упорядоченным, правда?

Но, проклятье, почему же мне так хочется забыть обо всём, о Планах и прочем, и броситься в открытую схватку? Сделать именно то, чего я никак не могу, на что я не имею права.

Да, Познавший, не имеешь. Не имеешь права кинуться в бой, крестя направо и налево огненным мечом, подарком Ангелов Пламени. Твой удел – доля паука в паутине: сидеть неподвижно, чувствуя биение тысячи нитей, и...

Продолжай повторять себе это. Повторяй почаще, может, поможет».

Губы Познавшего Тьму, затвердевшие, словно высеченные резцом камнетёса, скривились.

«Брось. Нет у тебя тысячи нитей. Даже Читающие стали, гм, более чем ненадёжны. Есть только ты, Сигрлинн и Ракот. И твоё дело, чтобы они, даже во гневе или в незнании, делали бы то, что нужно, а не что заблагорассудится.

Проклятие!»

Ноздри его дрогнули, раздуваясь от гнева. Кулаки сжались, в кончиках пальцев родилось знакомое пощипывание, словно он вот-вот даст сорваться с них истребительному заклятию, совсем как в те славные времена, когда он был всего-навсего Истинным Магом.

«Всего-навсего, – горько подумал он. – Всего-навсего».

Тогда он был куда могущественнее себя нынешнего. Свободен, зол и силён. Когда Ночная Империя наступала, не обременяя себя высокими вопросами о счастье и довольствии малых сих. Когда её дружины штурмовали города, врывались в крепости, а ученики Хедина – лучшие из боевых магов своего времени – не оставляли камня на камне от чужих храмов, капищ и скиний.

Когда моря Хьёварда резали хищные высокие носы его «драконов», и Ночная Империя стремительно раздвигала свои пределы, шла от победы к победе, и никто в целом мире, казалось, не может ей противостоять. Когда он, Истинный Маг, пребывал в уверенности, что пока он не посягает на высокие троны Молодых Богов, то может творить всё, на что хватит сил и умения. Его самого защищал закон, воспрещающий убийство одним Истинным Магом другого, а ученики... что ученики! Расходный материал. Орудие Истинного Мага, средство для познания им мира и для воздействия на него.

Ученики...

– Веди нас в бой, Аэтерос!

– О?дин изменил!

– Изменил весь Асгард!

– Сжечь и пепел развеять!

Подмастерья. Он нашёл достойную, как ему казалось, замену тем, чьи Зёрна Судьбы когда-то попадали в его руки, извлечённые из Шара Жребия.

Подмастерья. Их взоры все обращены на него, они жадно, нетерпеливо ожидают его слова, словно изнемогающий от жажды в пустыне – холодную родниковую воду.

«Эх».

Он ощутил неприятную, скребущую злость.

«Неужели вы ни на что без меня не способны?!

Неужели вы не можете сами понять, что происходит?!

Не смотреть мне в рот, не ждать слов «бога»?!

Потому что я не он. И никогда им не был».

Никогда доселе Хедин не осознавал этого с такой режущей, безжалостной ясностью. Никогда доселе – пока не встал вот так, перед толпой своих подмастерьев, пока не взгляделся в сотни алчущих его слова, его приказа глаз.

Почему они так смотрят на него? Потому что он их так учил? Но ведь он учил их прежде всего думать. Почему никто, никто-никто из них не может и шагу ступить без его одобрения?!

Потому что они на войне, а на войне приказы не обсуждаются, они выполняются?!

Да. Приказы выполняются. Но то воинство, что будет всегда ждать только приказов своего военачальника, обречено. Без свободной воли, без жажды победить самим, а не по приказу. Неготовое воевать само, даже если не станет полководца.

А что случится с подмастерьями, если не станет его, Хедина?!

Его знамя не подхватит никто, даже Ракот.

Только Си. Только она. Несмотря ни на что.

Если, конечно, не прибудет его первой и не пошлёт к воронам весь План, когда поймёт все до конца намерения Познавшего Тьму.

А подмастерья... что подмастерья?

Он хотел как лучше. Он хотел быть старшим братом, наставником, а не неведомым и непознаваемым существом за порогом таинственного храма.

Он ошибся. В очередной раз.

А настоящие боги, Боги с большой буквы, не ошибаются.

Глаза Познавшего Тьму зло сузились. Холод в груди стиснул сердце ледяными когтями, и было это совсем не по-божественному.

Он знал, что не имеет права на эти мысли, и всё равно не мог отвязаться от них.

Они ждут его слова. Они, куда более свободные, чем он сам. Что ж, он скажет им слова.

Хедин вновь улыбнулся. Жутковатой, мёртвой улыбкой, механически, через силу, растянув губы. И поднял руку.

Пала тишина, мгновенная, жутковатая. Сотни лиц, сотни глаз впиваются в такой знакомый, такой привычный лик Познавшего Тьму. Ждут его знака. Да, он приучал их думать собственной головой, решать самим, и это было правильно. Наверное. Но всё равно не привело никуда, не дало нового качества. Они просто с детским обожанием глядят на него, они всё равно смотрят на него как на своего бога, и никуда от этого не деться. «Хотя, – в очередной раз горько спросил он себя, – какой из меня бог? Может, в этом всё и дело? В твоей неуверенности, Познавший Тьму? В том, что ты лучше всего, успешнее всего действовал, когда оставался просто Истинным Магом?»

Однако неуверенность или нет, война остаётся войной, и в ней он должен победить. Хотя бы для того, чтобы им с Си предоставился бы ещё один шанс.

Ну, конечно, ещё неплохо бы, чтобы уцелело само Упорядоченное.

– Слушайте все, – негромко произнёс Хедин. Слова падали тяжело, внушительно, каменными скрижалями истины – и подмастерья замерли. «Они по-прежнему верят. Верят слепо и безрассудно. Проклятье».

И он их не обманет. Или... ему придётся это сделать? Ради великой цели, как обычно?

«Как же ты стал мягок, Познавший Тьму. Ты утонул в сомнениях. Тебя рвут колебания, твои твёрдость и готовность посылать других на смерть рассыпались во прах. Ты стараешься встать под удар, и у тебя это не получается».

– Слушайте все, – наконец проговорил он. Слова, казалось, царапали ему горло. – Все, кто встал под знамёна – нет, не бога Хедина, но самой жизни, самого Упорядоченного. Вы служите куда большему, чем просто Познавшему Тьму.

– Мы служим тебе, Аэтерос! – стали ему ответом вопли. – Тебе, и никому другому!

– Не знаем иного бога, кроме тебя, гаррат!

– Нет бога, кроме великого Хедина, и не имеет он иных пророков, кроме самого лишь себя!

– Тебе, Учитель, наши хвала и слава!

– Веди нас в бой, Познавший!

– Хватит медлить!..

Хедин вновь поднял руку, и шум стих вновь, хотя уже не так быстро, как в первый раз. Он сможет. Он справится.

– Счастливы вы, мои верные помощники, – с лёгкой усмешкой, очень надеясь, что вышла она именно лёгкой (а хорошо бы ещё и непринуждённой!), сказал он, – что можете спорить с тем, кого называете богом, да ещё и утверждаете, что иного бога вообще не знаете. Счастливы вы, требуя идти в честный бой грудь на грудь. Счастливы... но неужели вы, счастливыцы, ничему не научились за все годы – а кое-кто и десятилетия – жизни здесь, в Обетованном? Неужто моя служба не объяснила, что и к чему в Упорядоченном? Разве вы забыли о Законе Равновесия? А ведь кое-кто тут помнит – обязан помнить! – Резню Пяти Миров!

Голос его креп, наливался силой, раскатываясь над Обетованным. Гнев, уже давно кипевший внутри, больше подошёл бы Ракоту, впрочем, за неявкой названного братца отдуваться и тут придётся ему, Хедину.

Он не мог не выплеснуться, хотя бы частично. Не мог не явить им своей ярости, своего нетерпения, своей пустоты.

Подмастерья, похоже, перестали даже дышать. Если у кого-то и появились какие-то не те мысли, то они сейчас пристыженно молчали.

– Могли бы мы обрушить во прах стены Асгарда, могли бы пленить Старого Хрофта, могли бы срубить возродившийся Иггдрасиль? Конечно! Ибо нет в пределах Упорядоченного бойцов лучше вас, отважнее, сильнее и неодолимее! Разве не одержали вы сотни и сотни побед, сражаясь один против тысячи?!

Он едва было не сказал – разве не знает вас всё Упорядоченное?
Но Упорядоченное-то как раз не знало. И лишь здесь, в тайном храме, сам Познавший Тьму отдавал почести погибшим подмастерьям.

Гнев кипел, сосущая пустота там, где была Си, по-прежнему требовала жертв.

Подмастерья дружно рявкнули в ответ, над плечами и головами взлетели мечи, топоры и копья. Самый ретивый из гномов даже разрядил в небо свой огнеброс.

– И мы обязательно будем наступать. Но там, где надо. Сам по себе Асгард не важен. Никогда Древние Боги, даже в эпоху своего безраздельного владычества, не повелевали более чем несколькими близкими мирами каждый. Не Старый Хрофт опасен, а те, кто стоит за ним. Кто помогал ему,

кто поддерживал, кто вёл к успеху. Те из вас – ты, Друнгар, ты, Рирдаин – кто сражался в глубоком чреве Сущего, у самых врат Демогоргона, знают имя этого врага. И вы, остальные, знаете тоже. – Хедин сделал паузу, обвёл взглядом подмастерьев. – Имя ему – Дальние! Они есть сейчас корень зла, они собирают всех недовольных или хотя бы просто охочих до драки. Они подкупают колеблющихся, соблазняют ищущих истину, сбивают с прямого пути жадных до правды. Вот с ними мы и станем сражаться!

Рёв восторга. Ещё три выпаливших огнеброса.

«Ты справляешься, Познавший Тьму. Тебе донельзя хочется выплеснуть свои ярость и гнев в огненном шторме, но довольствоваться приходится этим».

Голос его рос и ширился, наливался силой, и в ответ всё громче и громче раздавались кличи подмастерьев.

– У Дальних множество слуг и споспешников. Иные более опасны, иные менее. И Старый Хрофт, как бы ни казалось это странным, далеко не главный среди тех, от кого я жду удара. Не он сейчас наш враг, а тот, кого придётся останавливать мечом, стрелой и заклятьем.

– А кого же тогда придётся? – выкрикнул какой-то гном.

«Хотел бы я знать – кого именно. Кто тот, что оказался в силах породить новый Источник под корнями нового же Иггдрасиля», – горько подумал Познавший Тьму. Однако вслух его слова прозвучали совершенно иначе.

– Вы их тоже отлично знаете, – невозмутимо, напористо, уверенно, без тени сомнения. – Их бездумное пешее воинство – быкоглавцы! Их боевые маги – коротышки из неведомого мира, настолько дальнего, что о нём никто никогда доселе не слышал. Их набольшие чародеи, что умеют открывать порталы из самых отдалённых областей Упорядоченного. Вы уже бились с ними, в том числе и в Хьёрварде. Вы останавливали их. А теперь их предстоит просто сокрушить! Раз и навсегда! Вырвать из рук Дальних и щит, и меч. А Старый Хрофт... его черед придёт, и он ещё раскается в своих ошибках и заблуждениях!..

Взвился многоголосый клич, ударился о небо, где уже лопались заряды гномьих огнебросов.

«Кажется, удалось», – устало и отстранённо подумал Хедин. Гнев сменился глухим раздражением.

– Становись!.. По десяткам разберись!.. Эльф, ты куда?!

– Смотри, борода, ножки его нежные своими сапожищами не отдави!..

– Не родился ещё тот гном, что мне бы на ногу наступил. Я, пока он сапог поставит, уже на другом конце Упорядоченного окажусь.

Полковые начальники уже строили своих, явно горя рвением. Да, они дадут бой быкоглавцам, они готовы.

А ему, Хедину, предстояло превратить своё одиночество и злость во что-то более пригодное для дела. Потому что мало того, что тёмная пуповина тянула силы от Кипящего Котла, обрекая мир на медленное поглощение Неназываемым, – в Асгарде Возрождённом бил четвёртый источник, и он, Хедин, обязан точно узнать, что это такое.

А также – что с этим делать.

* * *

Источник Урд журчал мягко, умиротворяюще. Ничто не изменилось тут, в простой каменной беседке, всё так же пляшут песчинки в неглубокой чаше. Играют, лопаются крошечные пузырьки, вода Урда достигает краёв чаши и – исчезает.

Вода Урда исчезает, он не даёт начала ни ручью, ни речке. Источник извергает силу, он дарует Упорядоченному магию, что течёт везде и всюду, кроме закрытых миров, и потому его вода словно бы испаряется.

Познавший Тьму присел на каменный бортик.

Его подмастерья уходили, радостные, уверенные. Они услышали слово своего бога и были счастливы.

Он, Хедин Познавший Тьму, хотел, чтобы его воины сделались самыми знающими, самыми свободными во всём Упорядоченном.

Вместо этого они стали настоящими зелотами. Ярыми, не знающими сомнений.

Аэтерос знает. Аэтерос управит. Аэтерос решит.

Он сделал их рабами. Настоящими марионетками. Как это вышло, почему?

Он со свистящим шипением втянул воздух сквозь стиснутые зубы. Почему Упорядоченное выбрало его? От этого вопроса ему не избавиться уже никогда, как от проклятия. Наверное, это его и отличало от иных, не менее сильных, не менее хитрых, не менее... ну, пусть будет храбрых. Или отчаянных.

Неизменен Урд, вечен и спокоен. Не осквернён. Последняя надежда. Ох, как же он, Хедин, не любил это слово. Не должно быть ничего «последнего». Ни «боя», ни «надежды», ни, скажем, «стрелы».

«Всегда будет завтрашний день, чтобы сразиться снова».

Всегда ли?

Он вздохнул, а мысли против его воли возвращались и возвращались к Си.

Она не выдержала, бедная. Прямая, как меч, Си умела быть и хитрой, и обходительной, и скрывать свои планы, как, скажем, скрывала она их от Мерлина, разыгрывая перед ним и Советом Поколения ретивое желание покарать возмутителя спокойствия Хедина с его Ночной Империей.

И сейчас ей хочется стереть Асгард с лица земли. Понятное желание. Более чем понятное. И конечно, она бы его стёрла, если бы... если бы всё оставалось как есть.

Но в Упорядоченном что-то изменилось, и изменилось кардинально. Он ещё не знал, насколько – для чего и явился сюда, к Урду.

Си может просто нарваться на что-то совершенно, полностью непредвиденное. Конечно, она не явится к Асгарду одна-одинёшенька, надеясь одолеть его голыми руками и голыми же руками выкорчевать сорный, поддельный Иггдрасиль.

«Она явится не просто так. Она явится с армией. Она не забыла, она не могла забыть о Законе Равновесия. Так что скорее всего займётся Ночными Всадницами. Ну и, очень возможно, Орденом Прекрасной Дамы. Там, конечно, почти все погибли, но кто-то и оставался, если я правильно всё помню.

Она сейчас не сумеет ничего испортить. Надеюсь. Впрочем, если сумеет... на этот случай у нас тоже есть план. План. На случай, если Си... пойдёт до конца».

Он со стоном обхватил руками голову. План. План против Си.

«А что потом? Выйти с ней на поединок? Как в тот раз, когда она рушила бастионы Хединсея, когда обращала в ничто Ночную Империю?

...Но ведь ты и тогда не смог ударить по ней всеми силами. И совершенно не потому, что это «запрещал закон Древних».

Ты боялся случайно причинить ей вред. Даже когда погибало, как тебе тогда казалось, дело множества лет. Когда пали твои Ученики, а ты бездействовал, вяло защищаясь, словно парализованный самой мыслью, что Си выступила против тебя.

И ты по-прежнему не можешь от этого отстраниться, хотя настоящий Бог просто обязан сейчас выяснять со всей доскональностью – что такое этот четвёртый источник?»

Познавший Тьму вновь зло и со свистом выдохнул.

Он не хотел думать ни о каких источниках. Он их уже ненавидел просто за это. Больше всего ему хотелось... нет, ему совершенно необходимо было оказаться рядом с его Си.

Но вместо этого – Асгард Возрождённый, ясень Иггдрасиль и бьющий меж его корней ключ.

«Ключ. Думай, Познавший Тьму, думай! Немедленно! Никаких посторонних мыслей!»

Он ударил кулаком о край каменного бассейна. Слишком часто теперь ему хочется причинить себе боль...

Потребовалось немало времени, прежде чем он всё-таки сумел собрать мысли в кулак.

Конечно, напрашивался самый простой ответ – тянущиеся в неведомую глубь Упорядоченного тёмные пуповины высосали из Кипящего Котла и Источника Мимира достаточно силы, чтобы теперь, когда пришло время, начать отдавать. Отдавать через своего рода «белые пуповины», протянувшиеся к Асгарду.

Так думать приятно. Враги – кем бы они ни оказались – достаточно глупы. Они оживили Иггдрасиль, но что дальше? Запасы силы у них не бесконечны, рано или поздно иссякнут. Значит, действовать они должны прямо сейчас.

«А Си не со мной. Не со мной. Не со...»

– Аэтерос! Ты звал меня?.. – запыхавшийся эльф поклонился.

«Как же он не вовремя. Как они все не вовремя».

– Да, Аррис. Сядь.

«Успокойся, Познавший. Они не виноваты. Ты их сотворил такими».

Хедин глубоко вздохнул:

– Мне нужна твоя помощь, Аррис.

– Жизнь моя принадлежит Аэтеросу! – тотчас выпалил тот.

Эльф, похоже, только что вырвался из рук целителей. Жестокие ожоги почти зажили, но именно что почти. Дивные волосы тёмного эльфа исчезли, нагой череп покрывал слой какой-то мази.

Истинный Маг извинился бы. Новый Бог извиняться не должен. Неправильно поймут.

– Твоя жизнь принадлежит тебе, и никому другому, – Познавший Тьму не смог сдержать раздражения. – Я не твой властелин. Ты не мой раб. Неужели я настолько плохо излагал свои мысли?

– Н-нет... – растерялся Аррис. – Но, Учитель...

– Плох тот Учитель, что присваивает себе власть над жизнями тех, кто верит ему, Аррис. Впрочем, я позвал тебя не для этого. Тебе не нужно ничего говорить. Просто смотри мне в глаза.

Эльфу больно. Он не показывает вида, но ему больно. Снадобья и заклинания сняли шок, остановили некроз, но боль осталась. Впрочем, сейчас это и нужно.

– Не старайся о чём-то думать или вспоминать, Аррис. Мне нужны следы их чар, следы работы тех, что захватили Ульвейна.

Он, Хедин Познавший Тьму, должен уйти в работу. Должен вновь заставить себя думать о «судьбах Упорядоченного» вместо Си.

– Да, Аэтерос. Я готов, – храбрился тёмный эльф, изо всех сил стараясь не морщиться.

Заклятия познания. Они пойдут в глубь его памяти, в глубь того, что, быть может, не смог осознать даже он сам. Он, Познавший Тьму, увидит оставшееся скрытым от Арриса, хотя и будет смотреть его глазами.

«Держись, тёмный эльф. Тебе предстоит пережить... нет, прожить нечто совершенно новое».

Вода в Урде вспенилась и забурлила, пузырьки повалили целой стайей. Волны плеснули о край каменной чаши, капли исчезали, оборачиваясь легчайшим паром.

Аррис попытался закрыть лицо дрожащими руками. Глаза его, по-эльфьи крупные, миндалевидные, обесмыслились. Веки больше не смыкались, он перестал даже моргать.

Названный брат Ракота осторожно коснулся ладоней Арриса. Пальцы тёмного эльфа вздрагивали. Он сейчас вновь был там, на дальнем конце тёмной пуповины, вновь видел причудливые магомеханизмы, вновь сражался с быкоглавцами, вновь терял друга. Боль ожогов, боль настигших эльфа вражьих чар, словно змеиный яд, устремилась в руки Хедина, но Познавший Тьму не дрогнул.

Больше того, он радовался боли. Она помогала, с ней можно было бороться.

Картины, видения, образы. Звуки. Ярость схватки, угрюмая решимость – мысли, эмоции, всё вместе. Дальше, Новый Бог, дальше и глубже!

Лицо Арриса словно закаменело. Ожившая боль терзала его, вгрызалась во внутренности, опаляла огнём каждое нервное окончание, разрывала мышцы и сухожилия, дробила кости – подпавшее под удар неведомого врага тело не желало отдавать чужие секреты, и это тоже стоило запомнить.

– Терпи, – негромко сказал Хедин. Голос его дрогнул. Он, как мог, вливал в себя боль тёмного эльфа, однако лишь она могла сейчас открыть ему дорогу дальше, туда, к следам использованных чар.

Мускулы Арриса деревенели, он едва дышал.

– Терпи!

Глубже, глубже, глубже!

Вот! Нет, ещё не то, не то... но ближе, уже совсем близко.

Тень открывающихся порталов... быкоглавцы... эльфы отвечают... стрелы – нет, глубже, ещё глубже!

Вот оно. На сей раз – истинное.

Волны магии, хлынувшей в тёмную пуповину, когда эльфы пытались спастись. Те, кто создавал всю эту систему, просчитались. Недооценили подмастерьев Хедина, пропустили их слишком далеко. Потом кинулись следом, очень спешили; Познавший Тьму ощущал эту спешку в вибрациях обрушившейся на Арриса силы.

Слишком резко. Слишком грубо.

Но этого Новому Богу было мало.

Ему почти хотелось ошибиться, почти хотелось, чтобы каким-то чудом творцы этой пуповины вдруг оказались бы втянуты прямо сюда, в Обетованное, к самому Урду, чтобы он смог, презрев все и всяческие законы, сшибиться с ними грудь на грудь, как это делал Ракот.

Но вместо этого приходилось вникать в совершенно иное.

Вибрации и колебания, слишком тонкие, слишком неразличимые, чтобы их смогли прочесть даже Истинные Маги в зените могущества. Читающие хранили отзвуки «всех», как они уверяли, «достаточно сильных» заклинаний Упорядоченного. Но Хедину сейчас требовалось восстановить картину по смутному эху, оставшемуся в жестоко израненном эльфе – изначально магической расе с повышенной восприимчивостью к чарам.

Порталы – далёкие, брошенные в глубинные миры. Неведомые хозяева, протянувшие тёмные пуповины через всё Упорядоченное, не держали «гарнизона» в непосредственной близости от сердца своих замыслов. Но вот там, в этих мирах, отряды стояли в полной готовности. И ринулись в раскрывшиеся межмировые двери мгновенно, безо всяких колебаний.

Это хорошо. Это значит, что в тех мирах можно отыскать непосредственных исполнителей. Они заговорят, они расскажут – не сомневался Познавший – много интересного. Ну разумеется, если задать им правильные вопросы.

Отлично. Именно это он обещал своим подмастерьям. Быкоглавцы – привычный враг. Но теперь мы – в их собственном доме, и уже мы станем выбирать, когда нанести удар.

Но всё равно он двигался дальше – дальше порталов и бросившихся сквозь них несчастных смертников.

Что ещё они использовали?

Ага, вот это след контратаки друзей-эльфов. Взрыв портала, да, хорошо, очень хорошо. Мощная вторичная волна огибает и отражается, подхватывает спешно брошенные ей навстречу заклинания, сминая их и уносит прочь. Взрыв портала – не шутка; даже им с Ракотом пришлось бы солоно.

Оставалось только надеяться, что взрыв хотя бы частично зацепил ту магическую машинерию, о которой упоминал Аррис.

Чары Хедина продолжали свою работу, неумолимо и безжалостно; бледное лицо Арриса покрывали крупные бисерины пота, руки подрагивали, высокий чистый лоб изрезали морщины; темный эльф мучился, словно на пытке, но Познавший Тьму не имел права останавливаться, иначе все муки и страдания подмастерья пропадут даром.

Ближе, ближе – сквозь мглу вырисовывались смутные очертания тех, кто бросал заклинания. Они не могли маскироваться, у них не хватало времени скрыть все до единого следы, обрубить все хвосты.

Двое. Две фигуры, мужские или, во всяком случае, присвоившие себе эту идентичность. Лихорадочная спешка, жёсткость, заданность – воин не думает, он рубит.

И – что это? Следы того, что он сам, Хедин Познавший Тьму во время о?но именовал «поворотом мира вокруг себя»?!

Это-то откуда здесь взялось?!

«Так, что, откуда, почему – решим потом. «Поворот мира», запомнили. Оба заклинателя не стали использовать накопленные запасы силы, похищенные из двух Источников. Почему? Не знали как? Заключили уворованное в столь жёсткие оковы, что не воспользоваться даже самим? Если это так – ещё один аргумент в пользу того, что четвёртый Источник никакой не Источник, а просто горлышко развязанного меха. Сейчас из него хлещет сила, а насколько её хватит, не скажет даже Великий Орлангур».

Это утешает. Несколько.

Или просто не сочли нужным использовать. Или подозревали, что он, Познавший Тьму, непременно попытается докопаться до сути, и специально путали следы.

Ну, и сами заклятия. Открытие порталов, конечно, мастерское. Гладко, стремительно, как укол модной во многих «передовых» мирах шпаги. Такого не получалось даже у него самого, Хедина, ни в пору Ночной Империи, ни когда начиналось его второе – и успешное – восстание. Да, хаживали через Астрал, если вспомнить их бросок на Авалон Мерлина; но это был совсем иной портал: стянутые могучими чарами слои реальности, разнесённые, быть может, непреодолимыми иначе безднами. Один шаг – и ты уже на месте. Никакого марша, никаких переходов.

Кто в Упорядоченном владел подобными чарами?

Глубже – нет, нельзя, нельзя, стой, Хедин!

Аррис обмяк, заваливаясь набок. Глаза закрылись, сердце остановилось.

Э-э, нет! Ладонь Хедина легла на грудь эльфу. Холод, мгла – прочь! Тепло, свет, ещё, ещё!

Аррис захрипел и дёрнулся. Сердце вновь забилось.

– Так-то оно лучше. Спасибо тебе, воин.

– Я... готов... за... тебя... Аэтерос...

«Может, Си не так уж не права? Нет, нет, она не права, она не может быть правой... А ты не можешь о ней думать. Думать не можешь и не думать не можешь тоже».

– Сейчас тебе помогут. Целители, врачеватели. Всё будет хорошо.

– Аэтерос... но... Ульвейн... у них в руках...

– Если он продержится ещё немного, мы его вытащим. Я думаю, Ракот Восставший это проделает с преогромной радостью.

– А... ты... Аэтерос? – вырвалось у измученного эльфа.

Хедин помолчал, глядя прямо в глаза Аррису. Эльф осёкся, лицо, и без того бледное, сделалось вообще снежно-белым, не осталось ни кровинки. «Испугался собственной дерзости, – усмехнулся про себя Познавший. – Впрочем, это уже хорошо. Аррис, во всяком случае, похоже, всё-таки не кукла».

– Я счастлив бы был отправиться туда немедленно. Но не могу. Ты поймёшь, Аррис, как только боль отпустит тебя.

Появилась четвёрка эльфов, вернее, трое эльфов и эльфийка. Последняя прищёлкнула пальцами, тело Арриса медленно поднялось в воздух, поплыло прочь от Урда.

– С ним всё будет хорошо, Аэтерос, – поклонилась она.

– Не сомневаюсь, Меад.

* * *

Покои дворца Молодых Богов, Радужного, или Облачного, как его именовали подмастерья, пусты и гулки. Здесь нет жизни, и сам Познавший не любит роскошных вычурных залов. У него другое жильё: куда более скромный дом

среди выращенных эльфами деревьев, стоящий на гномьем фундаменте. Когда-то его выстроили для Хедина подмастерья; сперва люди, эльфы, гномы, орки, половинчики и прочие долго спорили, как поделить дело так, чтобы никого не обидеть; один шибко умный радужный змей предложил каждому племени построить по одному покою, и всем эта идея понравилась – кроме, увы, Познавшего Тьму. Ибо, когда планы постройки стали переносить на пергамент, получилось нечто совершенно невообразимое. И если людские вкусы, в общем, выходило сопрячь с гномьими, то вот эльфы с орками не сходились вообще.

Последние не без оснований считали, что в доме воина самое главное – арсенал, а спать можно и на лавке, накрывшись кожушкой. Эльфы возмущались и доказывали, что жилище Аэтероса должно иметь главное – библиотеку самое меньшее тысяч на сто томов. Половинчики поднимали на смех и тех, и других, утверждая, что у Бога и кухня должна быть божественная, ну а к ней требовалась и соответствующая столовая, каковым вместе и надлежало занять самое меньшее девять десятых площади.

Немногочисленные гоблины поджимали губы и втихоря норовили подсунуться к орочьим планам, оттяпав хотя бы часть оружейной под алхимико-магическую мастерскую. Разумеется, должным образом защищённую – стены в семь футов дикого камня казались более-менее соответствующими возможной угрозе.

Даже морматы – и те постарались, явив от себя некое подобие гнезда на широкой трубе, каковая, наверное, должна была изображать боковой вулканический кратер.

Пришлось Познавшему Тьму, отложив все дела, мирить не шутку развоевавшихся подмастерьев.

В итоге фундаменты клали гномы, они же возводили несущие стены и балки. Люди строили остальное, эльфы ладили деревянные части, окна, двери и подобное. Оркам, чтобы не обижались, дали увешать всё, что можно и нельзя, выделанными шкурами и вываренными черепами невиданных страховидл, что они и проделали со всей тщательностью – да и ещё прибавив немалую толику усилий своих шаманов. В результате Хедину теперь частенько приходилось огибать выросшие где-нибудь в углу эльфийские вьюнки, на которых сердито щёлкал челюстями чей-то угрюмый череп, в глубине пустых глазниц которого вспыхивали зловещие желтоватые огоньки.

Но сейчас Познавший Тьму вступил именно в нелюбимый Облачный дворец. Пустота и гулкость как нельзя лучше отвечали его нынешнему настроению.

Аррису к сегодняшнему дню стало несколько лучше. Целительница Меад знала своё дело. Тёмному эльфу оставаться в её покоях ещё достаточно долго, но жить он будет.

Следом за Хедином шли начальники полков и сотен, командиры отдельных отрядов. Почти все подмастерья собрались сейчас в Обетованном, за исключением лишь тех, что несли стражу подле Асгарда Возрождённого.

Им обещан славный поход и славная битва во славу Упорядоченного и – куда ж без этого теперь! – их Аэтероса, гаррата, Учителя, Нового Бога, Хедина Познавшего Тьму.

Движение руки – и Познавший явил подмастерьям огромную карту, вернее, объёмную модель какой-то части Упорядоченного.

– Это здесь, – сказал он отрывисто и быстро, без предисловий. – Они идут отсюда. Быкоглавцы и их чародеи. Отдалённые четыре мира. Ключевых миров нет не то что в ближних, но и в самых что ни на есть дальних окрестностях. Враг открывает туда порталы, набирает там войска. Пришла пора положить этому конец, как я вам и обещал.

– Ура, – вполголоса бросил массивный орк в тёмно-лиловой мантии, один из их варлоков.

– Наконец-то, – кивнул Рирдаин.

– Покажется им небо с горн кузнечный! – подхватил гном Друнгар.

– Отправляются все, – Хедин обвёл их взглядом. – Все полки, все отряды. Здесь, в Обетованном, останется лишь небольшая стража. Те, кому я поручу охранять Урд.

– И Аэтерос поведёт нас! – рявкнул один из гномов, потрясая огнебросом.

Пара эльфов и половинчик поспешно отодвинулись.

– Аэтерос, – медленно сказал Познавший Тьму, – останется здесь. Так надо. Этого требует мой план.

И вновь он ненавидел себя за эти слова, за полный ложной многозначительности вид всезнающего и всё спланировавшего бога. Нет, они пойдут сами, на свою собственную войну.

Подмастерья переглянулись, не скрывая разочарования. Да, в словах Сигрлинн определённо крылась некая доля истины...

Другое дело, что это дорога в никуда. Такие всегда начинаются с «крупницы правды», «доли истины» или «толики здравого смысла». Тем они и опасны, если разобраться.

– Но, учитель... – Рирдаин изящно поклонился, не сводя с Познавшего больших зеленоватых глаз. – Ведь это опасно. Враг, конечно же, прознает, что все наши силы двинулись в далёкие от Обетованного области, и может решить, что настал его час – чтобы захватить Урд, например, и осквернить его так же, как осквернены Кипящий Котёл и Источник Мимира...

– В этом, любезный эльф, – взглянул на него в упор Хедин, – и состоит мой План. Именно это и должно случиться.

Всевеликие Древние, как хотел он сейчас драки! Схватки, штурма, даже рукопашной!

Что угодно, только не думать про Си.

Подмастерья переглянулись – и загомонили все разом, причём обычно выдержанные и гордые эльфы могли бы дать изрядную фору всегда шумным гномам с орками.

– В таком случае я останусь охранять Урд. Добровольно. С дурными быкоглавцами вполне справится... в общем, справятся другие.

– Ты, Рирдаин? – фыркнул Друнгар. – Чего это ради? Хочешь, чтобы тебе достался самый трудный бой, да? Как же, как же! Так мы и уступили тебе эту честь! Небось у врат Демогоргона вместе сражались! Гномы тоже останутся! Лишними-то уж точно не будем!

– Гномы с эльфами опять всё промеж собой делят! – возмутился стрелок-половинчик. – Рирдаин, задаёшься, а я тебя на сотне шагов обставлю как нечего делать! У тебя два промаха на двести, а у меня только один!

– Ты мне это до смерти теперь вспоминать будешь, Тобиас? – Эльф сморщился, словно от чего-то донельзя кислого. – Несчастный случай. Порыв ветра. Внезапный.

– Ага-ага, внезапный, только я-то поправку успел сделать, а ты...

– Довольно! – рыкнул зеленокожий варлок. – Мы оказываем неуважение Учителю такой перебранкой. Да простит нас великий Хедин. – Орк низко поклонился. – Но мы тоже готовы остаться здесь и биться рядом с ним, если на то будет его воля. Но если План его отправит нас хоть бы и в Хаос, пойдём с радостью!..

Орк внушительно потряс посохом и с громким стуком ударил им в пол.

Рыцарь в тяжёлой броне, что держал на согнутом локте шлем с высоким плюмажем, откашлялся.

– Присоединяюсь к Болгу. Да простит нас великий Хедин, – повторил он слова варлока. – Мы, люди, тоже готовы послужить приманкой. Ручаюсь, у той рыбки, что попытается нас заглотить, надолго пропадёт аппетит!

– Довольно хвастовства. – Друнгар сжал массивный кулак. – Мы все тут прежде всего слуги гаррата, а уж потом – гномы, эльфы, люди и всё такое прочее. Если начнём делиться по племенам – беды не миновать. Аэтерос всё управит. Его мудрость...

«Прежде всего слуги гаррата. – Хедин сжал зубы. – Нет, ты виноват сам. Ты хотел сделаться богом без божественности, а так не бывает».

– Оставим мою мудрость в покое, досточтимый гном, – поморщился Познавший Тьму. – Прежде всего – вы мне не слуги. Сколько можно повторять? Соратники, а не подавальщики. – «Боюсь, всё бесполезно, всё бесполезно, что ни говори...» – Охранять Урд со мной останутся не самые лучшие или самые смелые – все вы, стоящие здесь, не уступите друг другу ни в храбрости, ни в доблести, ни в воинском искусстве, – но те, кто лучше всего подходит к этому заданию. К этому и только к этому. Я выберу их сам. Чуть позже. Пока же вы все – слушайте! Наши прознатчики никогда не добирались до этих миров, они слишком обычны, ничем не примечательны. У нас нет карт, нету планов. Мы не знаем, где там города или леса, моря или огненные горы. Вы идёте в неведомое. Забудьте об аэтеросах, гарратах, учителях и прочее. Оказать помощь там я не смогу. Драться придётся самим и самим решать, что к чему. Вам предстоит отыскать селения быкоглавцев или их соратников и... сделать так, чтобы у них навсегда отпала охота сражаться на стороне наших врагов. Быкоглавцы – давний противник, мы знаем их хорошо, но никогда не могли отыскать, откуда к ним идут подкрепления. Противник слишком умело маскировал порталы. Потребовалось всё мужество – и жертвенность – Арриса с Ульвейном, чтобы мы узнали это. Очень дорогой ценой узнали.

Наступило молчание. Рирдаин опустил голову. Гном Друнгар, напротив, мрачно глядел на собравшихся да хрустел сжатыми кулаками.

– Да, очень дорогой ценой, – возвысил голос Хедин. – Ульвейн угодил в плен – я надеюсь, не «живым или мёртвым», а именно живым. И пусть будут уверены все – мы его вытащим. И тоже не «живым или мёртвым», а именно живым.

– Дозволено ли будет спросить, великий Хедин, – кашлянул рыцарь с плюмажем на шлеме, – ведомы ли тебе уже имена или хотя бы природа тех, кто его пленил? Кто держит его в узилище?

Познавший Тьму покачал головой.

– Нет, Леотар. Но это и не важно, поверь мне. У главного нашего врага – Дальних – хватает слуг, вольных или невольных. Чародеев, навроде памятных всем Безумных Богов. Но в своё время мы узнаем всех, и этих тоже. Сейчас главное – пресечь их дело и спасти Ульвейна.

– Готов отправиться немедля. – Рыцарь гордо расправил плечи.

– Не сомневаюсь. Но ты будешь нужен мне здесь, Леотар.

– Повиновение великому Хедину!

– Повиновение, повиновение... – пробормотал Познавший Тьму себе под нос. – Из твоих стрелков, Тобиас, думаю, двоих хватит. Приведи мне дюжину, я выберу.

– А я, великий Хедин?

– А ты отправишься туда, к быкоглавцам.

– Повинуюсь... – чуть разочарованно проворчал половинчик.

– Не волнуйся, драки хватит всем. Больше того, вам, кто пойдёт в те миры, будет куда тяжелее, чем нам, здесь остающимся. Потому что здесь у меня вся мощь священного Урда. А у вас там – полная неизвестность.

– Биться рядом с тобой, Аэтерос, великая честь! – подался вперёд Рирдаин. – Великая честь и слава тем, кто встаёт плечом к плечу с тобой в...

– Не нужно столь пышных слов, – поморщился Познавший Тьму. – Долг есть долг. Мы его выполняем. Там, где этого требует План.

Даже когда он, великий Хедин, выказывает недовольство их поклонами и славословиями – они всё равно продолжают. Им так проще. Наверное...

* * *

Отряды подмастерьев покидали Обетованное. Старым добрым ходом, через Астрал – конечно, достаточно тех, кто способен это обнаружить, однако тут у Познавшего возражений не имелось. Пусть обнаруживают.

Уходили все. На опустевших улочках остались только дети. Дети подмастерьев великого Хедина, родившиеся у тех, кто состоял на его службе.

Маленькие гномы и эльфы, человеческие ребяташки, совсем крошечные юные половинчики, зеленокожие орчата с уже прорезающимися клыками... Все они молчали, все стояли, замерев, время от времени бросая странные взгляды на Познавшего, провожавшего воинство.

«Ну да, – подумал он, – я отправляю их пап и мам неведомо куда, воевать невесть за что. Им могут сколько угодно твердить о моём величии, но что же это за Бог, пусть даже и «новый», что стоит рядом с ними в издавшем виды плаще на плечах и пыльных сапогах?»

Разве у Бога бывают пыльные сапоги?

Нет, никогда. И это страшно. Потому что, если Упорядоченные могут спасти только и исключительно боги, не совершает ли он страшной, поистине губительной ошибки, оставаясь магом, всего лишь магом?

Но неужели божественность – в этих несложных, по сути, вещах?
Таинственность, непознаваемость, скрытность?

Так видят люди, так они верят. Но должен ли он повторять их заблуждения?

Проклятье, как же давит, как пресекается дыхание. Человеческое тело твоё, Познавший Тьму, давно уже не просто одежда, что можно сменить в любой миг по собственному выбору.

Даже здесь выбор уже не столь велик, так что же говорить о божественности!
Там его просто нет.

Это приводит в бешенство, да, но главного не отменяет. Он оказался не тем, кем нужно.

Детей не обманешь в главном.

«Разумеется, с ними ничего не должно случиться, уж об этом я позаботился», – отстранённо подумал Познавший Тьму, глядя вслед колоннам подмастерьев. Это-то как раз самое лёгкое во всех и всяческих Планах.

Словно наперекор собственным мыслям, Хедин вскинул руку, приветствуя уходящих. В руке – пламенный меч, меч Пламени Неуничтожимого, и клинок сейчас словно окутывало облако тёмного огня.

– Слава великому Хедину! – гаркнул какой-то ретивый гном, и марширующие ряды враз подхватили клич, повторяя его снова и снова.

– Слава! Слава Хедину!

Детвора молчала в отличие от взрослых.

«Нет, не смотри на них, великий бог Хедин. Да, да, да, повторяй себе снова и снова – Боги суровы и непознаваемы, таинственны и недостижимы. Они где-то там, за небом, в таинственных эмпиреях. Они не стоят, словно обычный военный вождь, с мечом в руке, салютуя проходящим десяткам.

Они в лучшем случае навевают сны героям, даруют смутные и непонятные знамения, они скрывают свою силу и являют её лишь в катастрофах, в гневе разгулявшейся стихии.

Вот таких богов почитают, вот перед такими трепещут.

А бог в поношенных сапогах – не Бог».

Потому что божественное, подозревал сейчас Познавший Тьму, – оно не в имени, а в отношении. В тебя веруют, веруют и не нуждаются ни в каком знании – бог ты или не бог.

По спине пробирало холодом. «Новый Бог», который не бог.

Чуть в стороне от Хедина сгрудились остающиеся подмастерья – всего десятка полтора. Пара орков – секироносец в тяжёлой броне, утыканной для чего-то остриями, словно ёж иголками, и один варлок; двое эльфов, тёмный и светлый; двое половинчиков с длинными, выше их самих, луками; двое гномов с бомбардами. Рыцарь Леотар и ещё один человек, арбалетчик. Мормат, радужный змей, гоблин и вампир. Последний чувствовал себя явно не в своей тарелке, переминался с ноги на ногу, то запахивал плащ, то опять распахивал.

Подмастерья промаршировали и ушли. Врата Астрала раскрылись и вновь захлопнулись. Обетованное опустело.

Присмиривших, тихих детей увели испуганно озирающиеся на Хедина женщины – всех рас. Они боялись не Аэтероса, страшила неизвестность, ожидавшая их мужей...

Познавший Тьму с лицом холодным и непроницаемым направился к Урду.

Держи лицо, это всё, что ты можешь сейчас для них сделать.

Четырнадцать оставшихся с ним бойцов растекались сейчас по окрестностям с приказом «наблюдать и в случае чего – доложить». Розданы кристаллы далековидения, всё готово.

Все потрясены очередным великим Планом Хедина.

В беседке Познавший Тьму склонился над бурлящей водой священного источника.

Теперь предстояло самое сложное.

Все должны увидеть то, что должны увидеть. Каждый – своё.

На сей раз Источник никто не окружал кольцами кристаллов. Он должен сделать всё сам. Те, кто увидит, должны поверить, у них не должно остаться никаких сомнений.

Клинок Пламени Неунничтожимого лёг на край каменной чаши. Над мечом немедленно за клубился парок.

Неспешно и очень осторожно Познавший Тьму потянул к себе всю мощь Источника. Его сущность, сущность Истинного Мага, сделавшегося Новым Богом, отозвалась болью, обжигающей, прокатывающейся от пальцев к плечам.

И это было хорошо. Потому что сейчас он действовал совершенно не так, как надлежало бы Хедину. Или Истинному Магу. Или Новому Богу.

Он должен знать, что с Си ничего не случилось! Что она не наделала глупостей. Что она не угодила в новый плен, неважно к кому. Чтобы... чтобы... чтобы...

«Слишком много человеческого, – думал он. – Слишком много. Непозволительно много для Бога, такого, как хотят видеть они все. Даже самые верные и преданные».

Даже для такого, каким хочет видеть его Сигрлинн.

Только полное исчезновение, развоплощение, превращение в Великого Непознаваемого способно дать желаемое. А он – нет, он никакой не бог. В лучшем случае – просто очень сильный маг. Может, даже, что и сильнейший.

Меж тем Урд отозвался с готовностью, как старый и верный друг, что не задает вопросов «куда, зачем и почему?», а просто берёт меч и встаёт рядом с тобой, потому что твёрдо верит – ты не позовёшь его на татьбу.

«Поворот мира вокруг себя», – усмехнулся Хедин.

«Да, друзья мои, именно он. Здесь, в сердце Обетованного, у самого Урда, я вновь сделаю то, что, как мне казалось, проделывал множество раз в бытность Истинным Магом. Тогда мы не знали, что это лишь красивые слова, пафосное название. «От поворота Истинным Магом мира вокруг себя получают силу все смертные колдуны».

Если бы это было так...»

Ось, видимая только ему – ну и тем, кто, как он надеялся, сейчас ловит каждый его чих, – проходящая через Урд и Кипящий Котёл. Другая – через Урд и Источник Мимира. Они пересекутся в некоей точке. И это будет очень интересная точка.

Школяры недоумённо воззрились бы на него: что же это тут за «интересная точка»? Одна линия от Урда до Котла. Другая линия от опять же Урда до Источника Мимира. Ясно, что в Урде они и пересекутся – как может быть иначе?

На гладком листе пергамента – да, но не в Упорядоченном. И это не обычные линии, проведенные стилусом или пером.

Хедин не чертил многолучевых звёзд, не расставлял усиливающих магию артефактов. Нет, нагая мощь – и он сам, его сознание. Иллюзия, что сила подобна тяжеленным каменным глыбам, из коих Древние Боги (не все, но некоторые) возводили поражающие и по сей день воображение храмы. Не всегда и не для всего годны подпорки, рычаги, катки и блоки.

Урд трудился, как и все эти века. Вместе с Кипящим Котлом и Источником Мимира извергал и извергал бесконечные незримые потоки, становившиеся на границе владений Неназываемого новосотворённой пустотой, скармливаемой вечно голодному чудовищу.

Урд остался неосквернённым – чистый, незамутнённый. Последняя надежда и последнее оружие Новых Богов. Оружие, к которому они прибегают явно от отчаяния.

«Последняя надежда. Последнее оружие. Ненавижу эти слова», – вновь подумал Хедин.

Познавший Тьму делал мысли всё громче и отчётливее, давал им слиться с волной силы, вырвавшейся из источника. Незримая ось уже возникала, потоки мощи подчинялись, выстраиваясь от Урда до Кипящего Котла.

Ось. Великая ось, вокруг которой повернётся множество миров.

Сила течёт свободно и невозбранно. Он по-прежнему Новый Бог Упорядоченного. Неназываемый по-прежнему в клетке. Всё как было. Враги? Они имелись всегда, Познавший Тьму не обманывался на этот счёт.

Урд помогал. Щедро делился всем, что имел, и бестелесная ось от него до Кипящего Котла становилась всё более зримой.

Хедин сцепил зубы. Боль была настоящей. Иначе нельзя – ни у кого не должно возникнуть сомнений.

Но – что это? Ось достигла Кипящего Котла, закрепилась, готовая к повороту, – и вдруг дальний конец её загулял, заколебался, сорвавшись с места, словно сбитый внезапным ударом.

Равновесие утрачено. В строгую систему, систему трёх источников, ворвалось странное, причудливое искажение. Словно пробудившись от внезапного толчка, это возмущение путало вектора, взрывало вихрями плавный, упорядоченный поток и так искажало фундамент исполинского заклęcia, что начал выстраивать Познавший Тьму, что теперь на нём было уже ничего не возвести.

Он ещё даже не приступил к сотворению второй оси – до Источника Мимира, – а едва получалось удержать ось первую.

Над лезвием Пламени Неунчтожимого появились дымки, словно начинала тлеть невидимая ветошь.

Разогнавшийся поток силы, исторгнутый Урдом, надо было срочно куда-то перенаправить. Связи с Кипящим Котлом не получалось, свободный конец оси начинал метаться и биться.

Поднявшаяся от запястий и локтей боль преодолела плечи, вскарабкалась по шее, вцепляясь острыми паучьими лапами в щёки и губы.

Урд вскипел, из каменной чаши выметнулся белопенный гейзер, растаяв под потолком беседки. Поток захлестнул меч из звёздного огня, две силы столкнулись, и плиты под ногами Познавшего Тьму дрогнули.

Развернуть, пока не поздно, развернуть поток, не дать ему обратиться в дикий шторм вырвавшейся на волю мощи, что вполне способна размолоть в прах даже стены вокруг Кипящего Котла.

Смог бы великий Мерлин справиться с таким? Может, и сумел бы, особенно поддержки его весь Совет Поколения. Хедину сейчас оставалось лишь направить весь поток туда, откуда шли возмущения, нащупывая его вслепую, словно нырятьщик, что шарит руками по дну в мутной непроглядной воде.

Поздно уже что-то менять, заклятие такой мощи и впрямь увидят все, кому нужно и кому нет; но План тем и хорош, что допускает любую промежуточную стадию.

Ось распалась, так и не успев оформиться до конца. Истечение силы вновь стало упорядоченным, равномерным – хотя и по-прежнему стремительным.

Да, никаких осей у него сегодня не получится. И, скорее всего, не получится уже никогда.

«Страх. Боишься, Познавший Тьму? Правильно боишься. Ну, давай, не спи, не спи, разворачивай поток, разворачивай!.. А теперь сжимай, сжимай, как пучок стрел бы сжимал. Да направляй же, направляй, целься, целься, будь ты проклят! Уж коль не получится пересечение осей, так, может, хоть это выйдет!..»

Мрак и туман не выдерживали, рвались под неистовым напором – пока в один прекрасный миг перед Хедином не засверкали золотом крыши Асгарда Возрождённого.

Асгард Возрождённый и новый Иггдрасиль. Священный ясень поднялся высоко, сделавшись точно многовековое древо, распростёр ветви над залами и покоем, словно и не исчезал никогда.

А под его корнями мирно булькал источник.

Тот самый, четвёртый источник, который Хедин не без оснований почитал просто развязанным горлышком меха с уворованной силой истинных Источников.

Сейчас, глядя очами силы на новый дом Старого Хрофта, Хедин невольно замер – здесь скрещивались, сходились, сливались и вновь разделялись потоки магии, разнородной, для Познавшего – по-разному окрашенной и по-разному звучащей.

Сюда настойчиво старалась упереться та недоделанная ось, что, по мысли Познавшего, должна была дотянуться аж до Кипящего Котла.

Воля катящегося через Упорядоченное потока оказалась сильнее Познавшего Тьму. Сильнее его, давным-давно оттачивавшего подобные чары, доведшего их

до совершенства, – поток смёл их, смял и опрокинул.

«Что это значило?» – в панике подумал он.

Да, в панике.

Потому, что ничего подобного с ним никогда не случилось. И – потому, что это со зловещей точностью совпадало с тем, что случилось возле Кипящего Котла, когда он обнаружил впившуюся в него жуткую пиявку-паразита, ту самую тёмную пуповину.

Он больше не ощущал спокойного течения магии. Исчез привычный и единый накат силы, плавно втекающий в Большой Хьёрвард – теперь была именно масса мелких рек, речушек и ручейков. Неведомая воля раздробила единое на множество отдельных струй, заставила сталкиваться, бурлить, пениться, рвать ткань воплощённого, сущего, распространяя возмущения всё дальше и дальше.

Четвёртый источник изливался силой. Частично – уворованной и запасённой, да. Но не только.

«Немыслимо!» – закричал он. То ли про себя, то ли вслух, понять уже не мог и сам.

Немыслимо. Этого не могло быть, не могло быть никогда!

Три Источника магии в Упорядоченном, от века, от самого его сотворения. Так заповедано Творцом, так устроено Им. Три Источника, в равновесии. Сбалансировать такую систему трудно, но можно.

А четвёртый Источник – он опрокидывал все догмы и заповеди, все постулаты и аксиомы.

Если бы Хедин мог, он, наверное, вцепился бы себе в волосы и заорал от ужаса и отчаяния.

Рушилось если не всё, то многое, что он знал, – или верил, что знает, – об устройстве Упорядоченного.

Его словно пробил ледяной молнией. Он, Новый Бог, такого даже и помыслить не мог, не смел даже допустить подобного.

Ещё один провал.

Познавший Тьму потому и считался Познавшим, что мог предсказать, провидеть, знать заранее. А теперь...

Он едва сумел не упустить управляющие нити заклятия, через силу всматриваясь в четвёртый Источник.

Да, он – не просто развязавшаяся горловина меха, со жгучей досадой вновь признался себе Хедин, как бы ни хотелось убедить себя в обратном.

Источник выплескивал из себя и нечто новое, совершенно новое, неведь откуда берущееся, неуворованное.

Словно... словно в самом деле был настоящим Источником Магии, пусть даже пока и без имени.

К нему не подходит корень великого Древа. Он возник чьей-то злой волей, у подножия новосотворённого Иггдрасиля, лишь прикидывающегося древним и всеобщим.

Источник-обманка, источник-мираж. Так считал ты, Познавший.

Нити спутались, несмотря на старавшийся изо всех сил безотказный Урд.

Заклятие едва удерживается, сосредоточенность Познавшего тает, потому что страх и ужас, вцепившиеся в него, деловито, неотвязно рвут в клочья концентрацию, ведь если всё так, как выглядит, если четвёртый источник на самом деле Источник, то...

То к воронам летит вся тщательно выстроенная и сбалансированная система заклинаний, столько времени удерживавшая Неназываемого в клетке. Не полностью, не абсолютно – достаточно вспомнить козлоногих, – но удерживавшая.

Эта холодная и рациональная мысль получилась у него далеко не сразу:

«Стой, стой, Хедин. Не торопись, пусть даже руки у тебя сжимаются в кулаки, а дыхание пресекается. Думай! Всевеликие Древние, думай! Не о Сигрлинн, как бы ты о ней ни тревожился, а о новом Источнике!»

Он старался, как мог. Цеплялся, боролся, и мало-помалу отдельные кусочки смальты составлялись в мозаику.

«Новый Источник оттянет на себя часть преображаемой и перерождаемой силы, это да. Заклятия творения, бросающие в пасть Неназываемому исполинские объёмы пустого безжизненного пространства, сбалансированы по трём точкам, по трём извечным Источникам. Им теперь достанется меньше, но точно ли рухнет вся система? Уверен ли ты в этом, Познавший? Не ошибись! Нельзя сейчас предпринимать что-то «просто на всякий случай». План Планом, но...

Но, если те, кто протянул пуповины к Источнику Мудрости и к Кипящему Котлу, на самом деле способны создать новый, Четвёртый Источник, значит...

Значит, они совсем не те, за кого ты их принимаешь, Познавший.

Или, напротив, те, но им кое-кто помог.

То, что ты себе навообразал, оказалось ерундой.

Кто в Упорядоченном способен создать новый Источник? Кто? Кому подвластны подобные чары?

«Никому, – растерянно думал он. – Во всяком случае, мне таковые неизвестны. Что оставляет нам... Третью Силу, Орлангура с Демогоргоном. Но это значит, что они обратились против самих себя».

Первоначальный замысел, с которым Хедин явился сюда, к Урду, обратился в прах. Сила растрочена, и растрочена, считай, впустую – Хедин знал теперь, что такое Асгард Возрождённый, знал, что это настоящий Асгард, со своим собственным Источником Магии, подлинным Источником. Крепость О?дина возвышалась на фундаменте истинной магии.

Всё, что он задумал, рухнуло. Рухнуло с грохотом и треском, и теперь уже не до «картографирования нового состояния силы» или «поиска неравновесных участков». Ему срочно, немедленно требовалось понять, что происходит на границах с владениями Неназываемого, там, где чудовище жрёт обрушивавшуюся на него пустоту.

Да, у него есть немного времени, совсем немного.

Он медленно останавливал раскрутившиеся до невероятных скоростей маховики его заклятий. Они выполнили свою работу, теперь ему предстояло, кнутами и плетью загнав куда подальше страх, растерянность, беспокойство и отчаяние, довершить работу.

Времени мало, очень мало, но оно пока ещё есть.

Он ждёт гостей, но, пока подмастерья не добрались до глубинных миров, откуда идут быкоглавцы и их соратники, пока на границах Обетованного всё тихо, пока сюда не добрались те, кто не преминет атаковать, решив, что твердыня Познавшего Тьму уязвима и обнажена, – он, Хедин, обязан завершить начатое любой ценой.

Завтра такого счастья может и не выпасть.

Познавший Тьму поднялся, почти ничего не видя вокруг себя и, погружённый в раздумья, двинулся к выходу. К своему дому. Ненадолго, впрочем.

«До скорой встречи, Хедин», – сказал голос из-за его спины.

Познавший Тьму остановился.

Голос говорил не словами. Скорее это было враз нахлынувшее ощущение, всколыхнувшаяся память, точно множество-множество раз прозвучавшее из множества же уст ожило вновь.

«До скорой встречи, Хедин. Хедин, враг мой».

И – тишина.

Перестал бурлить даже Урд.

«Хедин, враг мой».

Тень сказанного медленно растекается по Обетованному, и яркое бездонное небо словно заволакивают тучи.

Настоящие грозовые тучи, каких здесь не бывает. Молодые Боги допускали тут лишь лёгкие облачка, что приносили лёгкий дождик: полить цветы, напоить сады и леса, зажечь над холмами радугу.

Солнце потускнело. Голубизна небес словно выцвела, и Познавший Тьму невольно схватился за рукоять меча.

Хотя на самом деле ему хотелось залить сейчас пламенем все окрестности Обетованного. Проклятье, даже Ракот, стоя на парапетах своей Цитадели в ожидании последнего штурма ямертовых ратей, был свободнее, чем он, Хедин!

Похоже, незваные гости пожаловали даже раньше, чем он ожидал.

Глава 2

Сильвия Нагваль возвращалась домой.

Да, именно так. Она возвращалась домой, в Долину Магов. Не в Мельин, обезображенный войной, где её ждали лишь холодные развалины башни

Красного Арка. В Долину Магов, чтобы до конца разобраться в себе, а заодно – и с мессиром Архимагом Игнациусом.

Конечно, конечно, мессиру изрядно досталось на Утонувшем Крабе. Иной, плохо его знающий, уверил бы себя, что он там и сгинул. Иной – но не Сильвия.

Маги такой силы могут быть все изрублены, исколоты, окровавлены; могут рухнуть в бездну, исчезнуть в огне; а потом неведомым образом возвращаются, причём в самые неподходящие моменты для тех, кто делит их наследие.

Сгинул мессир – хорошо. Но лучше всего думать, что он просто необъяснимо куда-то исчез. И в любое время может возникнуть снова.

И она разберётся, о, она разберётся! Теперь, после всего увиденного в изнанке Упорядоченного, у границ владений Соборного Духа, – она разберётся так, что мало не покажется никому.

Её наполнила сила. И не просто сила, которую потратишь – и ничего не останется. Нет, увиденное и навсегда затверждённое, заклятия, возможности, потенциал – вот что было важно.

Небывалое бывает. Невозможное возможно. Надо было просто протянуть руку, не испугаться... И, хотя теперь её кровь узнала, что такое пронзающий Хаос, Сильвия вышла из своего странствия много, много сильнее.

Её жгло, ей не терпелось попробовать новое. Сплести иные чары, свои собственные, опираясь на прочувствованное и усвоенное.

И тогда, и тогда...

Без фламберга. Без золотой пайцзы отца. Без крупинки Кристалла Магии. Без всяких артефактов. Она сама, и только она сама, заставит трепетать не только всё Сущее, но и его окрестности.

Несколько смущал, конечно, неведомый гость, объявивший себя слугой Спасителя. Сильвия очень не любила подобные совпадения и сейчас невольно запутывала следы, петляла, делая скидки, словно заяц. Это удлиняло дорогу,

однако о потерянном времени она не жалела ничуть.

Особенно после того, как сработало первое из её собственных «новых» заклинаний, послушно открывшее портал прямо сквозь Межреальность. Сильвия даже в ладоши захлопала – пусть портал вёл недалеко, но вёл туда, куда требовалось, а не в неизвестность. И захлопнулась калиточка тоже, как нужно, – молниеносно и безо всякого следа. Если кто за ней и тащился – им придётся попотеть.

Конечно, может, следят и за ней самой, такого исключить тоже нельзя. Но с этим уже ничего не поделаешь, пока она не доберётся до этих подсматривающих.

Сильвия догадывалась, что за заматня поднимается сейчас во всём Упорядоченном. Догадывалась, что за силы сходятся сейчас в смертельной схватке. Что ж, пришла пора доказать, что дед учил её не напрасно и что она – достойная дочь своего отца.

Конечно, думать так было легко, замечательно и приятно. Очень приятно. Во всяком случае, это помогало не замечать обычных трудностей дороги. Летела, как на крыльях, – так, наверное, можно было бы сказать.

Правда, чем дальше, тем сильнее и навязчивее стали ночные кошмары. Сильвия вновь и вновь возвращалась на дорогу мёртвых богов, возвращалась с пугающей реалистичностью, так что сновидения становились ярче и вещественнее окружавшей её Межреальности. Вновь рушились исполинские колоннады, пламя вырывалось из-под куполов помпезных храмов. Гарь покрывала белый мрамор стен, крошились алтари, умирали адепты, напрасно воздевавшие руки или резавшие последних жертв, когда уже начинала разламываться крыша.

И Хаос. Хаос струился незримо, неосязаемо сквозь трещины в гранитных фундаментах, просачивался сквозь мельчайшие поры в тайные отнорки и убежища, проникал в заклинательные покои, скапливался в крови жрецов, адептов, магов, даже полубогов.

Впрочем, им это не помогало. Раз за разом Сильвия видела одно и то же, с небольшими вариациями – скопившийся в теле Хаос, его мельчайшие частицы. Когда их становилось слишком много, они обращали тело в уголья.

Рушились миры Древних Богов, погибали их державы, во множестве становились добычей смерти аколиты или просто поклоняющиеся.

Хаос свободно вливался в миры, подчинял их себе, но – присутствие его становилось слишком сильно, слишком заметно, и плоть Упорядоченного не выдерживала. Очищалась пламенем, отторгала заражённое. Несущие частицы Хаоса в собственной крови, его человекоорудия не могли существовать долго, к тому же одержавшие к тому времени верх и утвердившиеся Молодые Боги не стали смотреть на подобное сквозь пальцы. Они наступали. О, как они наступали! Видения Сильвии, необычайно яркие, подробные и последовательные, являли ей всё во множестве деталей. Сильвия видела блистающие рати, множество служивших Ямерту созданий: и людей, и эльфов, и духов, и гигантов, и ещё неисчислимые сонмы иных, смертных, бессмертных, долгоживущих, похожих на людей и совсем не похожих.

Слуги Хаоса, вольные и невольные, не выдержали. Да они и не могли выдержать. Слишком мало Хаоса в них – они слабы и беспомощны. Слишком много – сгорала сама их плоть.

И владыки необозримых и невероятных океанов Неведомого там, за границами Упорядоченного, отступились.

Они не могли выдержать открытой войны здесь, за воздвигнутыми Творцом барьерами.

Они отступили.

Но дорога мёртвых богов осталась.

Сильвия видела страшные сны и просыпалась с криком в холодном поту. Вскакивала, задыхаясь, не понимая, где она и кто она. Тьма жадно глядела на неё множеством бесплотных глаз, где-то в глубине её медленно угасали багровые огни, оставляя лишь тени на внутренней поверхности сомкнутых век.

Потом её отпускало. Она пыталась посмеяться над собственными видениями, мол, раскисла, словно монашка, впервые увидавшая голого садовника. Она растягивала непослушные губы в настойчивой улыбке, хихикала, вновь и вновь уверяя себя, мол, всё это чепуха и ерунда – но получалось плохо.

Хаос настойчиво стучался в её мысли, он мог теперь говорить с ней, мог показывать нужное ему. Он обретал власть над ней, власть направлять, власть соблазнять, сбивать с толку, замещая её собственные цели и желания собственными.

В этом не было сомнений, угрюмо признавалась она себе, уже приближаясь к Долине.

На обратный путь она потратила не меньше времени, чем на дорогу «туда». Быть может, она напрасно теряла время, но так спокойнее. Слегка расслабиться себе она позволила, когда вокруг замаячили знакомые леса, окружавшие убежище магов.

Сильвия остановилась, перевела дух. Всё, безумная Межреальность кончилась, как отрезало, вокруг – обычный лес, какой можно встретить в сотнях тысяч самых разных миров. Весенняя листва, роящиеся в лучах солнечного света мошки, пересвист пичуг. Обитатели Долины постарались, чтобы их дом не казался висющим в пустоте, но на многое их всё равно не хватило.

Она коснулась тёплого, нагретого солнцем ствола, ощутила шершавость коры под пальцами. Здесь всё казалось совершенно, необманно настоящим – но состояло из одного обмана. Хаос властно толкнулся в крови, ладонь Сильвии сделалась горячей, она поспешно отдернула руку. Вот уж не было печали, чародеи Долины отнюдь не слепцы и не слабаки – заметят, что тогда?

Пока она раздумывала, её окликнули.

Стража. Гоблины-стрелки – Сильвия помнила рассказы Райны, что в своё время послужила здесь начальницей.

– Молодая госпожа Сильвия?

Ну конечно. Она же подопечная чародейки Ирэн Мескотт, второй в Гильдии Целителей.

– Да, это я, – надменно бросила Сильвия, не поворачивая головы. – Что нужно?

– Помилуйте, молодая госпожа, просто её высокоповажность госпожа Мескотт беспокоилась сильно, даже поиски учиняла...

– Передайте госпоже Мескотт мои сожаления. И избавьте меня от вашего присутствия.

Уж чего-чего, а умения разговаривать с прислугой Сильвии было не занимать.

Зеленокожий гоблин в дощатом доспехе неловко и неуверенно поёрзал рядом, не решаясь взглянуть на юную чародейку.

– Д-да, госпожа... но её высокоповажность очень, очень сердилась...

– Я разберусь сама. Ступай, любезный. – Сильвия смерила гоблина презрительным взглядом.

– Никак не могутно, – возразил гоблин, решив, очевидно, что гнев Ирэн Мескотт грозит большими неприятностями, чем неудовольствие её подопечной. – Её высокоповажность приказала, коль вас встретим, немедля до неё доставить.

Сильвия недовольно дёрнула щекой. Собственно, чего она хотела? Что ж, придётся поставить эту гордячку на место. Ей, Сильвии, многое не требуется – пока; титул здешней королевы её вполне удовлетворит.

Заклятия внушения, при всей их известности по сказкам и рыночным слухам, на деле далеко не столь распространены и далеко не столь действенны. Сильвия, если б и хотела, не смогла бы с ходу внушить даже скудному умишком гоблину, что он её не видел.

– Хорошо, хорошо, ступай к её высокоповажности – откуда вы такой титул-то взяли, никогда прежде тут не слышала! – да скажи, что я буду следом, только платье сменю после дальней дороги.

– Смотрите ж, молодая госпожа Сильвия, вы уж не подведите меня, – жалобно заблеял гоблин, но юная чародейка лишь раздражённо дёрнула плечом:

– Ступай, любезный, ступай. Я следом буду.

Сильвии совершенно не улыбалось выслушивать какие-то дурацкие нотации от Ирэн Мескотт. Хотя, с другой стороны, закон «поспешай медленно» ещё никто не отменял.

Через Долину, по её аккуратненьким игрушечным улочкам с утопающими в зелени и цветах особняками, Сильвия шла нарочито неспешно. Здесь за время её отсутствия ничто не изменилось, дом Архимага Игнациуса стоял наглухо запертым, однако старательные гоблины-уборщики не оставили у решетчатой калитки ни единой соринки. Сильвия даже головы не повернула в ту сторону.

Ещё не время.

Особняк её высокоповажности утопал в розовых кустах. Вьюнки бойко карабкались по стенам, обрамляя окна с кокетливыми наличниками. Башенка на углу заканчивалась острым шпилем и флюгером в форме русалки. За окошками – розовые занавески, ещё какие-то рюшки, оборочки, складочки и тому подобное.

Сильвия улыбнулась. Как можно умильнее. Кариатиды по обе стороны широких двустворчатых дверей глядели на неё подозрительно.

Кованая калитка не заперта. Оно и верно – от кого запирается здесь, в родной Долине, могущественной чародейке?

Девушка осторожно ступила на усыпанную мелкой галькой дорожку. Галька тоже была розовой. Поднялась по отмытым до снежной белизны ступеням на крыльцо. Бронзовая колотушка вдруг открыла единственный глаз прямо посередине молоточка и воззрилась на Сильвию. Та не дрогнула, поклонившись с наивозможнейшей почтительностью.

– Сильвия Нагваль. Младшая адептка. По велению госпожи Мескотт.

– Ну заходи, коли так, – проворчала колотушка и вдруг подмигнула.

Сильвия с силой толкнула створку.

Шагнула через порог в светлую, полную тонких ароматов прихожую. Нет, здесь не пахло лекарствами и кровью. Не ощущались смерть и страдания – им не было места в доме искусной врачевательницы, бравшей за услуги чистым золотом. Впрочем, не гнушалась она, знала Сильвия, и драгоценных камней, и редких магических артефактов.

И даже мебель у Ирэн Мескотт была под стать атмосфере в доме – лёгкая, резная, светлая. На крюках – какие-то шарфики, шляпки с перьями и вуалетками, на стенах – картины: яркие, солнечные берега, пронизанные золотыми лучами леса, всё такое радостное, безмятежное, покойное.

Сильвия позволила глазам чуть сузиться. Хаос властно толкнулся в жилах, согревая кровь.

«Спокойнее, младшая Нагваль, спокойнее».

– Пожаловала наконец? – раздался откуда-то сверху недовольный голос волшебницы. – Соизволила явиться? Иди сюда. По лестнице. Что-то мне ухмылка твоя не нравится, милочка, совсем не нравится!..

В своём собственном доме чародейка, похоже, умела видеть сквозь стены, полы и перекрытия. Ухмылку Сильвии, во всяком случае, она углядела.

«Ошибка. Слишком рано, так нельзя, не выдай себя, не выдай!..»

Сильвия поспешно опустила голову, сложила руки перед грудью – ни дать ни взять молодая послушница, с трепетом ожидающая строгих слов настоятельницы.

Весь второй этаж особняка занимал кабинет её высокоповажности с окнами на все стороны света. Огромный алхимический стол из цельной гранитной плиты, с кучей колб, реторт, горелок, змеевиков, хрустальных трубок и тому подобного; полки с расставленными в строгом порядке банками тёмного стекла или, может, кристаллами с засушенными корнями, листьями и стеблями разнообразных растений, что росли в самых укромных уголках Упорядоченного.

У окон – три конторки поменьше, на них раскрытые книги, пюпитры, свитки выписок. Большая чертёжная доска с приколотым неоконченным рисунком – анатомия явно не человеческого тела.

Сама хозяйка в строгой тёмной юбке в пол, белой блузке со скромной яшмовой брошью у горла стояла у окна с раскрытой книгой в руках. Волосы подняты, собраны в тугий узел на затылке.

Ирэн со стуком уронила том на столешницу, в упор воззрилась на скромно потупившуюся Сильвию.

– И как ты намерена объяснить мне случившееся?

Дочь Хозяина Ливня ещё ниже склонила голову, переминаясь с ноги на ногу, как бы в смущении. Она раздумывала. Выслушивать нотации Сильвия не имела никакого желания, но...

– Молчишь?! – повысила голос врачевательница. – Исчезла, не сказав никому ни слова, неведомо куда, шлялась неведомо где, занималась неведомо чем...

Сильвия не удержалась – усмехнулась как можно гадостнее и сквернее, чуть приподняла подбородок, чтобы Ирэн увидела бы наверняка.

И та увидела.

– Ещё и гоноришься! – Мескотт стукнула кулачком по столу. – Ухмыляешься! Нет, милочка, ты сейчас будешь говорить, ты мне сейчас всё расскажешь...

– А то что? – вполголоса осведомилась Сильвия, резко вскидывая голову и убирая со лба седой локон. – Что случится?

– Вылетишь отсюда, – холодно заявила чародейка. – Как говорится, турманом. Кем ты там начинала? Попрошайкой? Шлюшкой? Трактирной подавальщицей? Ну вот ею и помрёшь.

Теплеют пальцы, и сладкая злость поднимается к горлу. Хаос. Хаос в крови.

«Нет! Не время, последняя из Красного Арка!»

Сильвия глядела прямо в лицо Ирэн Мескотт и усмехалась с прежней стервозностью. И молчала.

Волшебница нахмурила брови, всмотрелась – и вдруг побелела.

– Да, вижу, – прошипела она, – почтительности тебя, я вижу, не научили. Молчишь? Что ж, ты выбрала...

– Я здесь по слову мессира Архимага, – как можно наглее бросила Сильвия. – По его воле. Я должна его дожидаться. Едва ли он обрадуется, если какая-то... если кто-то станет противиться его воле.

Но на сей раз Ирэн это не впечатлило.

– Мессир Архимаг, – ухмылка у неё теперь тоже была препакошной, – бесспорно, великий мастер и заклинатель, однако он не зря вручил нам, его верным ученикам, власть над каждодневной жизнью Долины. И я с высоты своего опыта, вижу опасность. Опасность для всех нас, живущих здесь. Поэтому мессир Архимаг не станет строго судить меня, когда я изложу ему свои основания. Я думала отчитать тебя, посадить на хлеб и воду, может, даже высечь – но теперь вижу, что всё куда проще.

Сильвия чуть напряжила колени, готовясь прыгнуть. Ирэн же, по-прежнему бледная, вглядывалась в неё пристально, пристально настолько, что казалось, слой за слоем сдирает с непокорной кожу.

– Откуда... это... в тебе?

Дочь Красного Арка сжала зубы. Пропустила! Прошляпила считающее заклятье, а Хаос в крови как раз поднимался, ведомый её злостью.

– О чём вы, наставница? – держись, тяни, отыгрывай время...

Ирэн Мескотт замерла возле лабораторного стола, лихорадочно, не отрывая глаз от Сильвии, зашарила левой рукой среди скляниц и пузырьков.

– Где. Ты. Была? – прошипела она. – Не шевелись, дура! Руки за голову! Никакой волшбы! Чего удумала-то, оказывается!.. И сюда явилась, не побоялась!

– Боюсь, я вас не понимаю, наставница. – Сильвия сдерживалась изо всех сил.

Ирэн Мескотт не должна ничего рассказать. Никому. Если, конечно, Сильвия по-прежнему хочет взять власть в Долине. Несмотря ни на каких мессиров Архимагов.

Или... нет, она поступит по-иному.

Хаос властно гнал кровь по жилам, снизу живота поднималось тепло, почти жжение. Хаос требовал выхода, действия, удара; он и так слишком долго оставался в заточении.

«Нет, – сцепила зубы Сильвия. – Мне никто приказывать не будет, и ты в том числе. Я сама. Всё – сама. Без фламберга, без пайцзы, без крупинки Кристалла. Сама».

– Госпожа наставница... – Она вдруг упала на колени, словно у неё подрубили ноги, захныкала, прижимая кулачки к глазам, будто совсем маленькая девочка. – Госпожа Мескотт, я... я не знаю, что со мной... простите... не прогоняйте... накажите, только не прогоняйте... на меня... что-то нашло...

Она обхватила голову руками и сложилась, словно перочинный ножик, утыкаясь лбом в коленки.

Мескотт застыла, сжимая в пальцах две опалесцирующие виалы – одну с розовой жидкостью, другую с голубоватой. На висках врачевательницы выступил пот.

– Не двигайся, – хрипло каркнула она. – Если хочешь жить – не двигайся. Я... пошлю весть. Сейчас сюда придут...

Сильвия не позволила себе даже тени улыбки. Губы её не дрогнули, даже скрытые за ладонями.

Она так и осталась на полу, лишь слабо постанывая.

Ирэн, тяжело дыша, застыла подле алхимического стола, не сводя с Сильвии широко раскрытых глаз.

– Что с тобой случилось, девочка? – наконец заговорила она, уже мягче. – В тебе... что-то жуткое, страшное, чёрное... с алым. Дым и огонь. Уголь и кровь. Где ты была? Почему убежала? С тобой плохо обращались?

«Терпенье, Сильвия. Терпенье и труд всё перетрут, как говорится».

– Меня... вдруг потащило куда-то... я... была сама не своя... хотелось бежать, просто бежать... куда глаза глядят... – прохныкала она.

Сильвия надеялась, что лопатки её на худой спине вздрагивают сейчас достаточно убедительно.

– И ты побежала? Куда?

– Н-не знаю... порталы... сквозь Межреальность... один за другим, целая череда... куда-то в глубину, там... там очень страшно, госпожа наставница...

По лестнице затопали. Шуршание плащей, голоса – резкие, взволнованные, иные так и вовсе испуганные.

– Что, нашлась твоя беглянка, Ирэн?

– Фу-фу-фу, зачем такая ср... ой, извини, Ирэн, вижу, таки да!..

– Кто-нибудь с наручниками, сюда!..

– И Эмпладу, позовите Эмпладу! Или Эгмонта с Мелвиллом!

Сильвия не позволила себе улыбнуться, услышав знакомые имена.

– Так-с, милостивые государи, и что у нас тут происходит? Что за безумная срочность?

Сухой, надменный голос. Сильвия Нагваль знала, кому он принадлежит – «его высокоповажность», если вспоминать того гоблина, Эрреас Трагне, глава, так сказать, исполнительной власти в Долине. Глава её Совета. Первый после мессира Архимага Игнациуса. Высокий, статный, сухопарый. Для важности носит очки. Надо же, как быстро разнеслась весть...

Она по-прежнему не поднимала глаз, застыла, сложившись и закрыв голову руками. Монумент отчаяния, так сказать.

– Ну и дела, – просопел кто-то у неё над самым затылком. – Нагая сила. Дикая. Аж кипит. Эй, девка, и в самом деле, где ты шаталась?

– Думаю, мы скоро всё узнаем, – холодно сказал Трагне. – Ирэн, Джулия, Сеферард, господа, эту адептку надо срочно в башню. На самый нижний уровень. Максимальная безопасность. А ты, милейшая, не фордыбачь, если понимаешь, что хорошо для тебя самой. Это, повторяю, для твоего же блага.

– Да, господин, – прохныкала Сильвия.

– Встать можешь, ученица? – сказала Ирэн. Сказала без злости, даже с неким сочувствием.

– Д-да-а... госпожа наставница...

– Неважная из меня наставница, – вздохнула врачевательница. – Не уберегла тебя.

– Не уберегла? – удивился мужской голос, тот самый, что говорил про «дикую силу».

– Конечно, Джиакомо. Внешнее воздействие видно невооружённым глазом. Думаю, на неё накинули петлю и вытащили.

- Накинули? Петлю? У нас в Долине? – хором усомнились и Трагне, и уже упомянутый Джиакомо.

- Быть такого не может, – недоверчиво бросила женщина, наверное, та самая Джулия.

- Чужие заклятия в Долине мы б почували сразу! – пропыхтел ещё один мужчина, похоже, названный Сеферардом.

- Ну, или, возможно, её сцапали где-то в лесу, – предположила Ирэн. – Сильвия, скажи, только честно – ты выходила за посты? В лес уходила?

- У... уходила, ы-ы-ы...

- Не реви, глупыха. Наделала ты делов, напекла пирогов, так что всем теперь тошно, как говорила моя нянюшка, это верно. Ну да ничего. Мы тебя вытащим.

- П-правда?..

- Правда, правда. Только расскажи, где эта дрянь к тебе прицепилась.

Сильная, хоть и тонкая рука целительницы решительно взяла Сильвию за предплечье, потянула вверх, помогая встать.

Не поднимая головы, чтобы не выдать себя взглядом, Сильвия потащилась следом за чародеями, старательно шаркая ногами.

Спустились по лестнице, миновали прихожую, вышли в сад.

- Брысь! – погнала Мескотт замешкавшегося гоблина-метельщика, что замер с разинутым ртом, глядя на Сильвию, тащившуюся явно под конвоем.

Гоблин аж подпрыгнул на месте, от испуга выпустив метлу из длинных зеленоватых пальцев. И – надо ж так – верхний её конец стукнул чародейку прямо по лбу.

Трудно понять, как оно так вышло, однако ж вышло.

Сильвия успела спрятать улыбку.

Несчастный гоблин замер, оцепенев, а потом весь затрясся, словно в лихорадке, и бухнулся на колени. На него уже надвинулся толстый Джиакомо – в просторном коричневатом плаще, высоких сапогах и вычурном белом парике, что он носил, несмотря на теплый день.

– Ва-ва-ва...

– Сечь. Кнутами, – рявкнул толстяк, прищёлкивая пальцами.

Стража – в полном боевом облачении – выросла как из-под земли.

И это оказались не люди. Высоченные, плечистые великаны с грубыми, рыхлыми, словно вылепленными из непропечённого теста лицами, со свисающими сальными прядями редких волос, пудовыми кулаками и без признаков какого бы то ни было разума в маленьких пороссячьих глазах.

– Доб! Хоб! Взять его, – брезгливо бросила целительница, утирая лоб батистовым платочком. – Сечь. До вразумления, по вашему усмотрению.

– Да, госпож-ж-жа, – не то огр, не то тролль, а может, и хобгоблин наклонил уродливую башку. Рот его скривился в гримасе предвкушения.

Маленький зеленокожий гоблин заверещал, задёргался в громадных ручищах, но с таким же успехом он мог пытаться вырваться из стальных оков.

Они же его забьют до смерти, вдруг подумала Сильвия.

– Госпожа наставница... сжальтесь над ним, прошу вас. Он ведь не хотел ничего дурного.

Если бы заговорили камни, и то, наверное, господа маги удивились бы меньше.

Даже у злосчастливого гоблина от изумления раскрылся рот.

И только великаны Доб с Хобом ничуть не удивились, они словно вообще ничего не услышали.

– Р-р-р-разреш-ш-ши удалиться, госпож-ж-жа?

– Разрешаю. И этого заберите с собой, – надула губки врачевательница. – А ты, моя дорогая, помалкивай. Не твоего ума дела, если не хочешь оказаться с ним на одной колоде. Думаю, Хоб с Добом бы не отказались отполировать и твою нежную шкурку.

Сильвия склонила голову. Дескать, нет так нет.

Однако удивлённо-благодарный взгляд гоблина она запомнила.

Хобгоблины, а может, огры, а может, и тролли почтительно поклонились, дружно выполнили команду «кру-у-гом!» и потрусили прочь. Несчастный метельщик волочился между ними, словно ему враз отказали обе ноги.

– Хамьё, – буркнул толстяк Джиакомо. – Никакого вежества. Гнать бы их всех, да остальные ещё хуже.

– Погоди, Динтра всё грозитя своих големов доделать, так, чтобы вообще от этих зеленокожих избавиться, – заметил Сеферард.

Опасен, быстро подумала Сильвия. Строен, подтянут, сухопар, глаза острые и внимательные, совсем не как у толстого Джиакомо; у этого они казались какими-то осоловевшими, наверное, от излишне обильной еды, успевшей отложиться на пузе изрядными запасами сала.

– Динтра-то может, да только всё тянет чего-то, всё какие-то одному ему видимые несовершенства убирает, – скривила губы чародейка Джулия, высокая, тонколицая, с волной по-эльфийски роскошных волос и изумрудно-зелёными глазами на пол-лица.

– А Эмплада? Где Эмплада? – вдруг спохватился Трагне.

– Зачем она тебе, Эрреас? – пожала плечами целительница.

– А разве не об этой девчонке она рассказывала? Разве не она была у них в отряде с Хюммель? Забыла, Ирэн?

Мескотт нахмурилась.

– Да я, похоже, никогда и не помнила. Сильвия явилась сюда, сослалась на слово мессира Архимага. Я посмотрела, да, способности несомненные, редкие, выраженные... а теперь... Сильвия! Это правда?

– Что правда, госпожа наставница?

– То, что сказал господин Трагне. Ты ходила с отрядом Хюммель? Ты знаешь боевых магов Эмпладу, Мелвилла и Эгмонта?

– Знаю, госпожа.

– Час от часу не легче! И ты молчала?

– Вы никогда не спрашивали, госпожа наставница.

– В самом деле, ты спрашивала, Ирэн? – в упор воззрился на врачевательницу Трагне, поджимая губы. – Ты вообще хорошо её проверила, когда брала в Академию?

– За кого ты меня принимаешь, сударь мой Эрреас? – Мескотт оскорблённо упёрла руки в боки.

– Ладно, ладно, – сдал назад Трагне. Похоже, с Ирэн избегал связываться даже он. – Сейчас всё выясним.

– Тебе лучше нам всё рассказать. – Целительница слегка сжала плечо Сильвии.

– Я ничего не скрывала, госпожа, – немедля принялась хныкать Сильвия. – О чём меня спрашивали, о том и рассказывала.

– И умолчала, что знакома с Хюммель?!

– Н-ну... да. Я боялась. Госпожа Хюммель... я... знала, что её... не слишком любят здесь.

– Разумная девочка, Ирэн, – усмехнулся Сеферард. – Мессир Архимаг знал, кого выбирать.

– Гм... – казалось, Мескотт тщательно выбирает слова. – Скрывать что-то от твоей наставницы нехорошо. Если тебя прислал мессир Архимаг, тебе нечего было бояться, скажем так, каких-то там... антипатий к одной из твоих спутниц.

– А вдруг? – прежним хныкающим тоном. – Вдруг, госпожа Мескотт? Мессир Архимаг – он далеко. И, как я понимаю, до сих пор не вернулся? А те, кто не любит госпожу Хюммель, – они здесь. Рядом.

– Нет, положительно, положительно очень умная девочка, – расхохотался Джаакомо. – Ты прав, Сеферард. Если она тебе не подойдет, Ирэн, отдашь мне в ученицы? Ручаюсь, – он облизнул губы, – мы с ней друг друга поймём.

– Размечтался, дорогой мой, – фыркнула Ирэн. – Никому я её не отдам. Кроме мессира, конечно же, – быстренько поправилась она. – Надо только разобраться с этим... что на неё насело...

– Разберёмся, не сомневайся, – заверил её Сеферард. – Вот и Джулия то же самое скажет. Кто у нас лучший специалист по Хаосу, а, Джули?

– Лыстец, – хмыкнула высокая чародейка. – Разберёмся и с Хаосом, Ирэн. Инфестация тут и впрямь сильная, это я безо всяких кристаллов вижу. Но ничего; случалось мне и посильнее видеть. Выводили без остатка, можешь мне поверить, сударыня моя Ирэн.

– Хорошо бы, – чуть заискивающе сказала врачевательница. – Жалко было бы... – Она осеклась.

– А вот и пришли, кстати, – провозгласил Трагне. – Добро пожаловать, судари и сударыни. Башня высшей защиты, – последнее, судя по всему, обращено было

к Сильвии.

Младшая Нагваль остановилась, задрала голову.

Башня высшей защиты внешне никак не соответствовала своему имени. Низкая, тонкая, изящная. Стены из тёмно-бордового кирпича увиты плющом, тут и там – широкие окна, правда, забраны вычурными коваными решётками.

Эрреас Трагне щегольски прищёлкнул пальцами, и дверь послушно распахнулась. Сильвия ожидала могильной тьмы, холода, плесени, запаха гниющей соломы и человеческих испражнений – в общем, всего того, чем изобиловали темницы того же Красного Арка.

Однако за дверьми её встретил мягкий полумрак. Пахло сосновой хвоей, шишками, лесом. Ступени сразу же повели вниз, в подвалы, однако ни с потолка, ни со стен не капало, и шипящие факелы не разбрасывали трещащие искры от дурного жира. Факелов здесь вообще не имелось. Вместо них – элегантно-холодноватые кристаллы, испускавшие яркий белый с лёгким оттенком лилового свет.

– Сюда. – Трагне преувеличенно вежливо распахнул перед Сильвией дверь. Ею кончался коридор, дальше идти было некуда.

Последняя из Красного Арка увидела круглую комнату без окон, освещённую всё теми же холодно-льдыстыми кристаллами в железных оковках. Вдоль стен – удобные кресла с высокими спинками зелёного бархата, словно за королевским пиршественным столом, только без герба.

В середине же – кругляш снежно-белого, точно сахарная голова, мрамора. А может, и не совсем мрамора, или вовсе не мрамора – не бывает такого, чтобы без единой тёмной прожилки. Ни снег, ни лёд никогда не похвалятся такой белизной.

– Раздевайся, – буднично сказала Ирэн. – Да не стесняйся ты, сущеглупая! Господин Трагне – целитель, да и Джиакомо с Сеферардом, поверь, врачевали на своём веку немало. Принимали роды, делали кесаревы сечения, спасали и детей, и матерей... Тебе совершенно нечего их стесняться. Здесь нет мужчин – только врачи.

Масленный взгляд толстяка Джаакомо говорил совершенно противоположное.

– А... можно прямо так? – промямлила Сильвия, надеясь, что покраснеть ей удалось достаточно натурально.

– Нельзя, – отрезала Мескотт. – Раздевайся, говорю! Никому тут не нужны твои худые мослы и отсутствующий пока что бюст. Не говоря уж о вагине.

Сильвия нагнула голову низко-низко. И принялась расстёгивать курточку.

Нет, это было глупо, она знала. Но...

Она не просто девчонка с даром. Она дочь Ферреро Нагваля, Хозяина Ливня. Она наследница Красного Арка. Она – поверенная самого Архимага Игнациуса. И сейчас она играла с огнём.

Хаос не возражал.

Сильвия скомкала одежду, швырнула на пол. Упёрла руки в бока. Скрестила ноги, левая ступня опирается на пальцы. Взгляд – наглый и совершенно бесстыдный.

Смотрите, смотрите.

Чародеи тем временем уселись, словно в театре. Они явно не ожидали ничего сверхъестественного. Правда, равнодушной обнажённая Сильвия их всё равно не оставила.

Маг по имени Сеферард кашлянул и склонил голову. Сударь Эрреас Трагне вдруг очень озаботился протиркой собственных очков. И только толстяк Джаакомо пялился на прелести Сильвии, словно кот на сметану. Только что слюни не пускал.

– Сложена, как дриада, – заметила Джулия. – Кровь эльфов, не иначе.

– Мои родители были людьми, госпожа, – неожиданно для самой себя, громко и чётко ответила Сильвия. – И деды с бабушками тоже.

– Возможно, возможно. – Джулия продолжала её рассматривать, словно причудливую зверюшку. – Ирэн, я, пожалуй, тоже запишусь в очередь. Если она не подойдёт тебе...

– Да что вы все заладили, «не подойдёт, не подойдёт»! – недовольно поёрзала врачевательница. – Дурь вот уберём, и всё будет в порядке. Ложись, Сильвия, нечего тут... э-э-э... смущать достопочтенных господ магов.

– Конечно, госпожа наставница. – Сильвия немедля потупилась.

Белый камень был холоден, словно глыба льда. Сильвия сделала вид, что её это не трогает ни в малейшей степени.

– На спину, – скомандовала Мескотт. – Джулия, твой черёд.

Худошавая чародейка осторожно приблизилась, склонилась над Сильвией. Взгляд напряжённый, острый, внимательный – её, похоже, показное смирение не обмануло.

– Руки в стороны. Ноги тоже. Не шевелись, я тебя зафиксирую. Но-но, не дёргаемся! Это для твоей же пользы.

И Сильвия вновь повиновалась.

Запястья и щиколотки охвачены мягкими ремнями. Хорошо ещё, не стальными браслетами.

– Я начинаю, – сухо объявила Джулия. – Кто сможет, поделитесь.

Маги, похоже, понимали, о чём речь.

Сильвия прикрыла глаза. «Ну, давайте, господа чародеи. Такие могущественные, такие красивые, богатые, независимые. Такие защищённые от всех бед и тревог Упорядоченного».

– Расслабься и ничего не бойся. – Джулия повела раскрытыми ладонями над лицом и грудью Сильвии. – Расслабь... о-ох!

Чародейка отдёрнулась, глаза широко раскрылась. От враз покрасневших пальцев шёл невесть откуда взявшийся дымок.

– Что это? – резко подался вперёд Трагне. Сеферард и вовсе вскочил на ноги, и лишь толстяк Джаакомо так и пребывал, похоже, в сладостной нирване, пляясь на распластанную нагую фигурку Сильвии.

– Перебрасывайте, живо! – Джулия потёрла руки, дымок стремительно исчезал. – Все вместе, я сказала, все вместе!.. Инфестация!.. Третья степень! Хаос!..

Под спиной Сильвии ожил и белый камень – словно огромный сом, распахнул усатую пасть, втягивая в себя полившуюся силу.

Да, Хаос в крови дочери Хозяина Ливня больше не прятался. Сильвия выпускала его на волю, гордясь тем, что умеет направить его бег, выдать ровно столько, сколько хотела, скрывая до времени остальное.

– Т-третья степень?.. – пролепетал Джаакомо, вскакивая вместе с Трагне и Сеферардом.

Кольцо магов сомкнулось.

На Сильвию навалилась жуткая, неподъёмная тяжесть. На грудь словно один за другим сбрасывали невидимые, но от этого не менее весомые мешки с песком. Ремни натянулись, петли врезались в запястья; лицо Джулии, бледное, без кровинки, вдруг оказалась совсем рядом.

– Хаос – ты приняла Хаос? – выдохнула она.

– Я... больше... чем... Хаос!

Горячая волна рванулась от сердца по жилам, пламя текло с кончиков пальцев – дикое, рвущее всё на свете освобождение – от всего. Прошлого, настоящего

и будущего. Всех правил и уложений.

Ремни вспыхнули. Сыромятные, крепкие, пережившие, надо понимать, не одно подобное «испытание».

Джулия взвизгнула, завертелась, отброшенная, прижимая обе ладони к дымящемуся, словно головня, лицу. Сильвия вскочила одним прыжком, лицо перекошено – потому что ей сейчас нужно было загнать безумную силу Хаоса обратно в стойло, подчинить себе, показать, кто здесь хозяин – он или дочь Красного Арка.

По полу заклинательного покоя «высшей безопасности» – или «изоляции», или как там ещё – растекался магический огонь, треща и исходя чадным, удушливым дымом. Зелёные кресла вспыхнули в единый миг, словно смолистые факелы.

– А-а-а! Сеф, туши, накрывай, накрывай!..

– Ку-у-да?! – взвыл Сеферард, хватая за плечи и отбрасывая от двери кинувшегося туда Джиакомо. – Назад, сволочь! Пришибу!

Джулия скорчилась в углу, не в силах оторвать ладони от лица; Мескотт и Трагне, впрочем, не растерялись. Кольцо разорвалось, однако у них двоих хватило сил встретить пламя, вдавить невидимым щитом дым в пол и стены. Белый камень под ступнями Сильвии по-прежнему жадно пил её силу, и не только пил – отдавал её магам Долины.

– На колени! – Сильвия топнула ногой, от её босых пяток по белизне мрамора зазмеились кроваво-алые росчерки, словно трещины. С рук тёк огонь, клубился, не давая приблизиться Мескотт с Трагне. Сеферард отшвырнул Джиакомо в тот же угол, где корчилась, завывая, Джулия. Меж её плотно прижатыми к щекам ладонями поднимался чёрный дым, настоящий, плотный.

– Вали её! – рявкнул Трагне, и они ударили втроём с Ирэн и Сеферардом, ударили по-настоящему, разом и давя прорвавшуюся силу Хаоса и прорываясь к сознанию Сильвии дремотой, бесчувствием, прострацией.

Их чары были хороши. Тонки, изошрённы, они, словно плотины, разводили накат Хаоса по множеству протоков, отнимали мощь и разбег. В глазах Сильвии помутилось, руки вдруг отяжелели, словно притянутые к земле цепями.

«Врёте, не возьмёте!

С Хаосом-то вы, наверное, бы и справились, да только я не один лишь Хаос. Я – и Красный Арк, и чёрный фламберг, и драконы Эвиала, и битва на Утонувшем Крабе, и тяжкий полёт белой полярной совы, и Смертный Ливень – всё вместе!»

Сильвия топнула – уже почти вся поверхность белого камня сделалась цвета крови. В правой ладони вдруг, словно наяву, ощутилась тяжесть отцовского меча – чёрный фламберг поднялся, защищая, отражая катящиеся одно за другим заклятья. Спутывая приводные нити, ломая подпирающие рычаги, всю тонкую механику изошрённого волшебства – и Сильвия со злым торжеством увидела бьющийся в глазах Трагне ужас.

– На колени! – повторила она.

В углу трудно ворочался Джаакомо. Толстяк сделался совершенно бледен, и сейчас он, похоже, как раз и выполнял приказ Сильвии.

Сеферард вновь первым разобрался в происходящем и, отбросив попытки сбить Сильвию заклинанием, кинулся на неё в длинном прыжке, перемахнув через огонь и дым.

Сильвия успела чуть отстраниться, и только потому нож в руке мага лишь проехался по рёбрам, оставляя саднящий след. Сильвия что было сил толкнула чародея в спину, и тот вскрикнул, грохнувшись в огонь. Вскочил, закружился, сбивая пламя, но отвлечь последнюю из Красного Арка успел. Следующее заклятие она отбить не смогла.

Чары Мескотт и Трагне накрыли Сильвию давящей, хмельной, мутящей сознание волной. С пальцев дочери Нагваля по-прежнему текло пламя, но им уже никто не управлял.

Ноги отнимались, колени подогнулись. Сильвия упала в тяжком недоумении – как же так, этого же... не может быть, не может быть никогда!

– Вяжи её, Ирэн. – Трагне тяжело дышал. – Не-ет, тут надо... только экстерминация.

– Эрадикация, – кивнул Сеферард, успевший сбить с себя пламя. Он тяжело дышал, лицо покраснело, обожжённое.

– Джулия... – слабо проговорила Мескотт, прижимая руку к сердцу. – Эрреас... глянь... я... сейчас... упаду...

Глаза Сильвии закатились. Всё закружилось и исчезло.

«Я... проиграла?»

Нет!»

Мрак.

* * *

Свет. И боль – нестерпимое жжение, словно по свежесодранной коже провели грубой холстиной.

Ну конечно. Темница. Небось, как они там говорили, «высшей защиты».

Сильвия лежала на соломе. Прямо над головой – решётка, оттуда льётся неестественно яркий, режущий свет.

Каменный мешок. Ни дверей, ничего. Даже дырки в полу для стока нечистот.

«Сильно же они меня боятся...»

Руки – ну конечно, скованы за спиной. Боль в выломанных локтях, плечах и лопатках – как она могла раньше её не чувствовать?

Эрадикация. Экстерминация. Обливиация.

Слова разные, смысл один.

Уничтожение.

«Ты подвёл меня, Хаос».

Сознание по-прежнему мутилось. «На тебя наложили сильные заклятия, Сильвия Нагваль. Ты их перебила, но не до конца и слишком поздно».

За ней наблюдали, конечно же. Наверху раздались шаги и голоса.

Трагне. Мескотт. Остальных она не узнавала.

Что ж, во всяком случае, отратно, что и Джаакомо, и Джулия, и особенно Сеферард всё-таки получили своё.

– Очнулась.

– Поднимай. Осторожнее, скоты, осторожнее!

– Что она сотворила с Джулией...

Сильвия усмехнулась как можно гнуснее, не сомневаясь, что маги видят сейчас каждый её жест и каждое выражение.

– Нет, теперь-то она уже никуда не денется...

– Динтру известили?

– Зачем? Ему-то какое до этого дело? – недовольно отрезал Трагне.

– Как знаешь, Эрреас, как знаешь...

– Вот именно, что знаю, Фельтинар. Ну, готовы? Тяните теперь!

Цепи за спиной Сильвии напряглись, потянули вверх скованные в запястьях руки, заставляя её выгибаться в тщетных попытках избежать боли.

Они что, рехнулись?

Сильвия закусила губу, давя рвущийся из груди стон.

Жёсткая и грубая сила оторвала её от пола. Но сила эта, парализуя её болью в выкрученных, как на дыбе, руках, всё же не выламывала их из суставов.

– Без сантиментов, Ирэн, без сантиментов, – услышала Сильвия, когда её опустили на каменные плиты. – Это тварь Хаоса. Его вместилище. Просто невероятно, что она выдержала так долго, не сгорела, не распалась...

– Уничтожить, – сказал желчный голос где-то справа. – Хватит рассуждений, господи маги. Дезинтеграция, полная и немедленная. За пределами Долины, разумеется.

– Разумеется. Ирэн! Не хлюпай носом. Чародейке твоего положения это неприлично.

Сильвию перевернули вниз лицом. Сил у неё не было, даже чтобы повернуть голову.

– Пристёгивайте. – Зазвякало железо, холодные браслеты оков сомкнулись на щиколотках. – Поднимайте, разом, разом, слабосильная команда! Что, Доба с Хобом позвать?

Всю дорогу к краю Долины и дальше, в окрестные леса, Сильвию тащили так, что видела она только дорогу. Железные шесты волокля восьмёрка зеленокожих гоблинов, волокля с явным трудом, сопя, кряхтя и отдуваясь.

– Достаточно! – хлестнул голос Трагне. Процессия остановилась, Сильвию рывком вздёнули на ноги.

Она по-прежнему была совершенно раздета. И скована. Грубые руки схватили её за лицо, разжали зубы, запихивая в рот кляп.

Вокруг – серые скалы, каменный стакан, неприятно похожий на её камеру, только что сверху нет решетки.

Посреди торчит почерневший, закопчённый гранитный палец. К нему Сильвию и прикрутили теми же цепями, прикрутили быстро и безжалостно.

– Собственно, мучиться ей недолго, – рассеянно проговорил Трагне. Он снял очки, вновь принялся тщательно их протирать, избегая взгляда Сильвии.

Ирэн же Мескотт, напротив, глядела на неё во все глаза, сейчас широко раскрытые и полные слёз.

Сильвию прижало к каменному столпу. Холодная скала впилась ей в голые лопатки и ягодицы сотнями незаметных издали острых шипов.

И только тогда она испугалась.

Маги не рисковали, они не собирались дарить осуждённой какие бы то ни было шансы. Они знают, что она очнулась, приняли меры, заткнули рот, но знают ли, что она одолела затуманившие сознание заклинания?

Вокруг каменного пальца чародеи Долины успели расставить дюжину кристаллов бело-лунного цвета. Сильвия без труда узнала магическую фигуру, фигуру очищения и отвержения «зла».

Разумеется. Чего же ещё ожидать? Кристаллы с запасённой «чистой» силой, они примут на себя удар высвобожденного Хаоса, как только его «вместилище», то есть она, Сильвия, расстанется с жизнью.

– Начинайте! – Господину Трагне очень нравится, похоже, отдавать приказания резким, повелительным голосом. Особенно когда он считает себя в достаточной

безопасности. Но вот в остальном...

Маг дёргался, не зная, куда деть руки.

Чародеи Долины, во всяком случае, не были профессиональными палачами.

Сильвия уронила голову на грудь, позволила ей мотнуться из стороны в сторону. Они должны поверить, что она, хоть и в сознании, но одурманена и вообще не понимает, что тут творится.

Хаос яростно забился в крови, не желая умирать, не желая пропадать даром.

«Тихо, – прикрикнула на него Сильвия. – Ещё не время».

«Один раз ты уже перемудрила!» – казалось, взвыл Хаос.

«Не время!»

– Поймите! – это Ирэн Мескотт. – Она в сознании. Эрреас, позволь мне... чтобы она не мучилась... чтобы не понимала...

– С чего это ты вдруг?.. Ладно, как хочешь, только давай скорее, – нервно бросил глава гильдии целителей.

Врачевательница осторожно перешагнула незримые линии начерченной фигуры и, разминая пальцы, приблизилась к Сильвии. Та висела, обмякнув, стараясь не дышать и даже не смотреть на чародейку.

Это был её шанс. Один-единственный.

Повинуясь ей, Хаос замер тоже, сжался в комок, затаился в кончиках пальцев, под ногтями, готовясь в любой миг вырваться на свободу острыми крючьями огневеющих когтей.

«Ещё не время!»

«Сейчас!» – взвыл Хаос, не в силах ждать.

Тело Сильвии изогнула жестокая судорога, путы врезались в тело, однако она даже не почувствовала боли.

Ирэн Мескотт была уже совсем рядом. Так близко, что Сильвия ощущала тонкий аромат её духов. Розы и... и что-то ещё, терпкое, дразнящее...

– Прости, девочка – я... я не хотела... – горячо зашептала волшебница.

Запоздалое раскаяние? Вышвырнуть Сильвию прочь из Академии и Долины, обречь на нищенство, унижения, голод, скорее всего – скорую смерть, это пожалуйста, а теперь?.. Вдруг проснулась совесть?

«Сейчас».

Рёв, свист, режущий визг, словно целая орда голодных демонов вырвалась на свободу.

Сильвию выгнуло дугой, с пальцев потекло пламя, ноги словно окутались рыжими языками огня. Когти Хаоса играючи рассекли выкованные человеческими руками оковы, и металл вспыхнул.

Дочь Красного Арка, оправдывая своё происхождение, вся в клубах рождённого ею пламени, оттолкнулась от каменного пальца. Кулак Сильвии врезался в скулу Ирэн Мескотт, чародейку отбросило, словно ударила её не худая девчонка, а по меньшей мере огр. Врачевательница коротко вскрикнула, повалилась, опрокинув один из кристаллов, и в следующий миг Сильвия перемахнула через неё.

Огненная демоница, из пламени рождённая и облачённая в пламень.

Транге тонко завопил, заверещал, попытался бросить какое-то заклинание, которое рвущиеся на волю потоки Хаоса смяли, разорвали на части и отшвырнули в стороны. Сильвия одним движением оказалась рядом, схватила мага за запястье, рванула в сторону-вверх, повернула – чародей хлопнулся с воплем, парализованный болью в вывихнутом плече.

Сильвия развернулась, готовая встретить следующего – однако ей остался противостоять только Сеферард. Пять или шесть магов опрометью мчались прочь, даже не пытаясь защититься.

Правда, среди них не было ни одного из Гильдии Боевых Магов. Эвис Эмпладу то ли не нашли, то ли она не сочла нужным явиться.

Восемь зеленокожих гоблинов вообще никуда не побежали. Бухнулись на колени перед Сильвией, моляще протягивая руки.

Она не обратила на них внимания.

Маги не должны уйти!

Однако поток Хаоса уже иссякал, успокаивался, утихал. Предстояла дуэль на заклинаниях, а тут Сильвия сейчас не имела особых шансов.

Огненная демоница исчезала.

Сильвия Нагваль рывком подняла Трагне за ворот щегольского камзола. Чародей клацнул зубами, повис, как тряпичная кукла, и тотчас обмочился от ужаса.

Сильвия сорвала с его шеи какой-то амулет – какой, разберёмся позже. Сильно эманировали ещё кольцо на безымянном пальце правой руки и браслет на левом запястье. Сильвия, недолго думая, освободила бедолагу от этого явно лишнего груза.

– Н-не... уб-бивай... – только и смог выдавить из себя чародей.

Сильвия от всей души съездила ему по носу, отшвырнула прочь.

Взгляд её упал на восьмёрку сжавшихся гоблинов.

– Вы! Зелёные! Хотите быть свободными? Вольными, как ветер? Хотите?

Гоблины торопливо закивали. Сильвия криво усмехнулась – они бы согласились, потребуй она от них вечного рабства с покорностью.

– Тогда за мной.

Один из гоблинов осторожно, бочком и пригибаясь, подобрался поближе, низко склонился, протянул дрожащую руку.

– Что? Ах да. Я голая. Тебя это смущает? О-о, вижу, что не только смущает. Ну, разденьте тогда вот хотя бы его. И найдите мне какой-нибудь нож.

Приказ её оказался выполнен с похвальной стремительностью. Досточтимый Эрреас Трагне вмиг оказался наг, точно в бане; а Сильвия, накинув на плечи просторный плащ чародея и перепоясавшись, махнула гоблинам рукой:

– Уходим отсюда.

Один из зеленокожих алчно глянул на дрожащего Трагне, на бесчувственную Мескотт, оскалился, провёл пальцем по горлу.

– Нет, – резко бросила Сильвия. – Они нужны мне живыми. Особенно чародейка.

Гоблин разочарованно выпятил губы, однако повиновался.

– Уходим, – повторила Сильвия.

Их ждала Межреальность.

Глава 3

– Идём за ними, что ли, – буркнул Ракот огромному ворону. Чёрная птица вскинула голову, посмотрела алыми глазами о четырёх зрачках каждый. Расправила крылья, словно соглашаясь.

– Кар-р-р!

– Всё притворяешься, – покачал головой Восставший. – Ну, как тебе будет угодно. Пошли!

Он старался держаться чуть позади Сигрун и Райны. Мать валькирии шла, не глядя перед собой, – смотрела только на дочку. И, наверное, едва ли вообще слышала хоть слово из того, что, захлёбываясь, торопилась рассказать ей Райна.

Здесь, в посмертии, Сигрун не казалась ни древней старухой, ни, напротив, юной женщиной. Крепкая, статная женщина, не утратившая ещё красоты. Высока ростом – поспорит с ним, Ракотом! – ступает мягко, уверенно. Дай ей в руки копье и щит – славная вышла бы воительница. Было в кого Райне расти, не только от отца унаследовала она умение и дух.

Дорога сама ложилась им под ноги. И Ракот уже догадывался, куда она ведёт.

Расстояния здесь, во владениях Великого Орла, похоже, были понятием более чем относительным. Трактир с обнявшимися гномом и орком на вывеске появился словно из ниоткуда, вынырнул из внезапно рассеявшейся мглы. Двери гостеприимно распахнуты, вьётся дымок над крышей, поднимается к серому небу...

Всё, пришли.

Заходите, гости дорогие.

– И ты тоже? – хмыкнул Ракот, когда ворон, сложив крылья, явно вознамерился пробраться внутрь. – А у хозяина спросил?

Ворон обиженно каркнул, но послушно заковылял прочь и устроился на заборе.

– Не свались, смотри, – бросил на прощание Ракот и шагнул через порог.

Внутри всё оставалось, как и в прошлый его визит.

Хозяин поднялся из-за длинного стола, уставленного яствами. Огромный, мощный, с блестящим наголо обритым черепом. Кожаная безрукавка открывала мощные мускулы.

– Ну, с возвращением! – пробасил он, улыбаясь. – Привет тебе, Сигрун, дочь Хримвальди. Привет тебе, Рандгрид, дочь О?дина. И тебе, Ракот, сын... – Трактирщик хитро прищурился.

– У Истинных Магов нет родителей, – гордо бросил Восставший.

– Нету, нету, спорить не будем, – ухмыльнулся хозяин. – Садитесь за стол, гости дорогие! Всех встречаю я на дороге к нам, а вот от нас – доселе не приходилось!

– Привет дому твоему, могучий, да будет благополучен твой кров. – Сигрун церемонно поклонилась сперва очагу, затем порогу и лишь после этого – самому Трактирщику.

– Сядь, дочь Хримвальди. – Хозяин протянул Сигрун руку, повёл на почётное место, усадил.

– Великий, я...

– Ведаю, – перебил Трактирщик. – Ведаю. Рандгрид, ещё уходя от меня на поиски, хотела вывести тебя отсюда. Вернуть к жизни.

– Но это невозможно?! – Голова Сигрун поникла.

– Кто тебе это сказал, дочь йотуна? О?дин, отец твоей дочери, привёл в действие могучие силы, сотрясшие всё Сущее. Ныне возможно всё – до срока, пока не установится новое Равновесие. Да ты ешь, Восставший, ешь, не сиди с разинутым ртом.

Ракот досадливо поморщился и, скрывая неловкость, схватил полуведёрную кружку с элем. Эль оказался хорош, холодный и горьковатый, в самую меру. Откуда у Трактирщика пивоварня?

– Я не остановлю тебя, Сигрун. Но помни, что там, за пределами владений Великого Орла, тебе вновь предстоит стать призраком. До поры, пока твои дочь с О?дином не найдут способа вернуть тебе тело. Это не должно быть слишком уж трудно.

– Спасибо тебе, великий. – Сигрун прижала ладонь к сердцу.

– Не благодари, – отмахнулся Трактирщик. – И не зови меня «великим». Я лишь малая часть великого, не всё оно. Да и не в этом дело. Помни, что у призраков в Упорядоченном много врагов. Начиная с дурных заклинателей, так и норовящих поработить неприкаянную душу, и заканчивая водителями мёртвых самых разных мастей и прозвищ – того и гляди, уволочут тебя из мира живых!

– В залы Хель? – вздрогнула Сигрун.

– Может, и в залы Хель. Может, ещё куда. А может, и к Спасителю. Что, говорят, ещё хуже.

– Тебе это точно ведомо? – подался вперёд Ракот. – Ты... видел это, хозяин?

– Если ты к тому, что не бывал ли я «во владениях Спасителевых», – тяжело усмехнулся Трактирщик, – то нет, не бывал. И никто не бывал. Видящие и мистики не в счёт – они видели, что им позволено было увидеть. Не более того. Уж я наслушался их рассказов, поверь. Наслушался с презлихом.

– Я защищу маму, – резко и решительно сказала Райна, положив на стол сжатые кулаки. – От всех. От заклинателей и от водителей. Есть у меня один такой в знакомцах, ничего страшного. Справимся. И от Спасителя тоже! Про него я тоже всякого-разного слыхала, а потом и сама увидела. Ничего, сладили. И теперь сладим!

– Слова истинной валькирии, – одобрительно рыкнул Трактирщик, а Сигрун взяла дочку за руку, прижала кисть к своей щеке. Кажется, вот-вот заплачет. – Идите, да будет лёгок ваш путь; хотя что я, не будет он таким, конечно же. Другие постараются поставить вам преграды, не я.

– Те, о ком ты нас предостерег, хозяин?

– Хотелось бы верить, что лишь они. Но... есть бури, вызываемые ветрами магии, что заставляют волноваться море на всю глубину, отчего всплывают к поверхности самые жуткие придонные твари. Они не могут выжить на солнце, но, прежде чем умереть, могут... натворить дел. Будьте бдительны, вы трое! Не стану спрашивать, что будете делать. Дело вас само найдёт.

Ракот слушал молча, сузив глаза. Конечно, Демогоргон велик, могущественен и страшен. Страшен, даже если, как сейчас, говоришь не с ним самим, а крошечной его частью, аспектом общего. И он сам – как-никак Новый Бог, один из двух хозяев Упорядоченного, – слушает Трактирщика сейчас так, как мальчишка-новичок, только взявший в руку меч, слушает опытного десятника.

Он подавил гнев. Здесь, в стране мёртвых, его власти не было.

– Ешьте и пейте, – сказал Трактирщик, понимающе подмигнув Восставшему. – Ешьте и пейте, дорога предстоит дальняя.

– Постой... – Ракот протянул руку. – Постой, хозяин. Почему ты не скажешь больше? Не скажешь о Древе и его корнях? Не скажешь о душах, что ухаживают за ним, и о чёрных бестиях? Не скажешь о том, где кончается золотая тропа, и о том, что лежит за ней?

– О-о, – посерьёзnel Трактирщик. – Нет, Восставший, не скажу. Даже если бы знал. Я ведь тут, чтобы слушать мёртвых и говорить с ними. Что ты увидел, познал, что с собой унесёшь – оно твоё, и только твоё. В мире ушедших может быть поводырь, но не более. Я вас направил – не требуй от меня большего.

– У ворона спрошу тогда, – из чувства противоречия буркнул Ракот.

– Ворон скажет «карр», – усмехнулся хозяин.

– Иногда я задумываюсь, зачем вообще Упорядоченному понадобились вы двое, – парировал Восставший. – Только и можете, что многозначительно изрекать нечто туманное. Орёл представляется хозяином придорожной харчевни...

- Но очень хорошей, прошу заметить!

- Замечаю. Очень хорошей, но харчевни. Дракон переоделся вороном и сидит на жердочке, время от времени забавляясь карканьем. Не сомневаюсь, он находит это - как и всё происходящее - очень забавным.

- Находит, - кивнул Трактирщик. - Такова его природа. Таким он сотворён. Всё на свете для него - забавно. В большей или меньшей степени. Клясть его за это так же бессмысленно, как клясть ураган за то, что он срывает крыши, или океан - за то, что штормит.

- Есть духи ветра и духи воды. Есть стихии. Есть морской народ. Нимфы, океаниды, nereиды и так далее, - не согласился вдруг Восставший. - Есть колдуны и чародеи, что способны вызвать бурю и утопить корабль. Так что не всегда твой пример будет хорош, хозяин.

- Верно, - медленно сказал Трактирщик. - И вот потому-то Упорядоченному нужны вы с Познавшим Тьму. Чтобы тот, у кого утопили корабль, знали, к кому идти за защитой.

Ракот наморщил лоб, губы его плотно сжались. Райна и Сигрун глядели на них с Трактирщиком в явном замешательстве.

- К нам никто не идёт за защитой, - пожал плечами Ракот. - Мы не вытираем носы и не завязываем бантики. Хочешь отомстить - мсти. Если сумеешь. Не сумел, не смог - значит, плохо хотел, плохо готовился. Неудачники сами готовят своё падение. Наше с Хедином дело - чтобы всё вообще не пошло прахом. Чтобы не вырвался Неназываемый. Чтобы Дальние не получили шанса воплотить свои безумные планы. Но ты уходишь в сторону, хозяин. Мы вели речь о природе Великого Орлангура. О том, что вся совокупность миров для него - лишь забава. Он давал советы Хедину, однако в решающий момент не обнажил меча и не встал с нами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/nik-perumov/hedin-vrag-moy-tom-1-kto-ne-s-nami>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)